

МАХАБХАРАТА

КНИГА ДЕСЯТАЯ САУПТИКАПАРВА

ИЛИ

КНИГА ОБ ИЗБИЕНИИ СПЯЩИХ ВОИНОВ

Перевод С. Л. Невелевой и Я. В. Василькова

Глава 1

Санджая сказал:

В предзакатный час те герои, шедшие вместе, обратив свои лица к югу, приблизились к лагерю (Пандавов). Страх обуял их; спешно отпустили они коней на волю и осторожно углубились в глухие заросли. Исколотые (в сражении) острым оружием, сплошь покрытые ранами и шрамами, остановились они неподалеку от места расположения (вражеской) рати. Испуская тяжкие, жаркие вздохи, с мыслями о Пандавах, вслушивались они в грозные кличи победоносных Пандавов. Но вот, опасаясь преследования, вновь поспешили они в путь, обратившись лицами на восток. Спустя мухурту пути кони их притомились, жажда одолела (героев), иссякло терпение у мощнолуких воинов, гнев и неистовство охватили их, и, снедаемые отчаянием из-за гибели царя, решили они остановиться на некоторое время.

Дхритараштра сказал:

Невозможно поверить в содеянное Бхимой, о Санджая: сын мой, что силою равен был десяти тысячам слонов, сражен! Неуязвимый для всех живущих, крепкий телом подобно ваджре, юный сын мой нал в битве с Пандавами, о Санджая! Было предрешено, о Гавальгани, что не смогут одолеть его люди, но встретился сын мой в бою с Партхами и вот — сражен! Видно, железным стало сердце мое, о Санджая, раз при вести о гибели ста моих сыновей оно не разорвалось на тысячу частей. Что ж будет с нами, двумя престарелыми супругами, раз сыновья наши убиты?! Ведь я не снесу жизни во владениях Пандавеи. Являясь отцом царя, сам я ведь тоже царь, о Санджая, так как же я стану, превратившись в слугу, жить по указке Пандавеи! Повелевая всей землей и стоя на главе ее, как же теперь я буду существовать, о Санджая, навек превратившись в слугу! Разве смогу я слушать речи Бхимы, о Санджая, который один полностью истребил сто моих сыновей! Сбылись слова великого духом Видуры, те слова, которым не внял сын мой, о Санджая! Что же предприняли Кригаварман, Крипа и Драуни, когда злодейски убит был сын мой Дурьодхана, о друг мой Санджая?

С а н д ж а я сказал:

Итак, о царь, уйдя не слишком далеко, твои (сподвижники) остановились, и взорам их открылся страшный лес, полный лиан и различных деревьев. И вот, передохнув мухурту, меж тем как их отборнейшие кони напились воды, в час солнечного заката вошли они в глубь того огромного леса, населенного сонмищами разных зверей, обильного разными птицами, поросшего разными деревьями и лианами, кишевшего разными змеями, изобиловавшего разными водоемами, украшенного прудами, покрытого сотнями лотосовых озер, богатого синими лотосами. Вступив в тот грозный лес, огляделись они по сторонам и увидели баньян, укрытый тысячами ветвей. Приблизившись к баньяну, великоколесничные воины, лучшие из людей, осмотрели, о царь, лучшего из лесных властелинов. Сошли они с колесниц, распрягли коней, совершили, как полагается, очищение водой и сотворили вечернюю молитву, о могучий! И когда Творящий день достиг Асты, лучшей из гор, настала ночь, зиждительница всего мира. Словно бы засветилось повсюду прекрасное одеяние небес, украшенное россыпями звезд, созвездий, планет. Понемногу начинали сновать ночные твари, дневные же погружались в сон. Ужасен был крик существ, бродящих в ночи, хищники ликовали — наступала страшная ночь.

В грозную пасть ночи и угодили вместе Кригаварман, Крипа и Драуни, обуянные горем от (случившихся) бед. Сидели они под сенью баньяна, предаваясь тоске по тому самому поводу — погибели, настигшей куру и Пандавов. И тут дремой сковало их члены, и, охваченные тяжелой усталостью, израненные всевозможными стрелами, улеглись они прямо на землю. Сон овладел Крипой и Бходжей, обоими великоколесничными воинами, достойными счастья, а горя не заслужившими; лежа на голой земле, заснули они, о великий царь, сломленные усталостью и отчаянием. Один лишь сын Дроны, о бхарата, оставаясь во власти гнева, неистовства, был не в силах заснуть и вздыхал, точно змей. Неспособный уснуть, сжигаемый безмерной яростью, оглядывая он, мощнорукий, тот грозный видом лес и, осматривая лесную окраину, населенную разнообразными тварями, заметил, что баньян кишит воронами. Тысячи ворон, растворившись в ночи, сладко спали, о Кауравья, беспомощные поодиночке. Меж тем как вороны мирно спали повсюду, он увидел появившуюся внезапно сову, страшную обличьем, огромную телом, медно-коричневую, с рыжими глазами, длиннющим клювом и когтями, громко ухающую, быструю, точно Супарна. И вот эта птица глухо вскрикнула и, словно бы распластавшись, кинулась на ветвь баньяна, о бхарата! Опустившись на ветвь Антакой для ворон, птица принялась истреблять их, спящих, во множестве. Лапами, как оружием, она отрывала крылья одним, отсекала головы другим, ломала ноги третьим. Вмиг перебила она, могучая, тех, что попались ей на глаза, так что останками их было усеяно все пространство вокруг баньяна, о владыка народов! Истребив ворон, сова преисполнилась ликования: сокрушительница врагов, она покарала недругов, как задумала.

Наблюдая то вероломное деяние, сотворенное совою в ночи, Драуни в одиночестве предался размышлениям, склоняясь к мысли совершить то же самое. «Этой птицей в побоище мне преподан урок. По моему разумению, пробил час истребления недругов. Ныне я оказался не в силах уничтожить решительных Пандавов, могучих воителей, вершащих теперь торжество; они достигли своей цели, а ведь в присутствии царя я обещал их уничтожить! Воину, когда он оказался в губительном для себя положении, подобно мотыльку, попавшему в огонь, воистину грозит погибель, нет сомнения! Тогда хитростью можно добиться успеха и (учинить) великое истребление недругов. И тут пользе сомнительной большинство тех, что искушены в науке о пользе, предпочтут пользу несомненную. И как бы ни было то порицаемо, осуждаемо, проклинаемо миром, так и следует поступать человеку, вершащему дхарму кшатрия. На каждом шагу несовершенные духом Пандавы прибегали ко всевозможным вероломным поступкам, что порицаются и проклинаются. По этому поводу известны два стиха, пропетые некогда теми, что размышляют о дхарме и, взыскуя справедливости во имя истины, истину эту провидят: "Войско врага надлежит сокрушать его недругу даже тогда, когда устало оно и разбито, или вкушает пищу, отступает или находится в своем лагере, будь это войско настигнуто сном среди ночи или главу потеряло убитым, даже если оружие у него разбито или расколото оно надвое"».

Вот так сын Дроны пламенный вознамерился умертвить в побоище спящих Пандавов вместе с панчалами. Укрепившись в жестоком своем намерении, поразмыслив минуто-другую, он разбудил спавших — дядю своего (Крипу) и Бходжу. Но те не нашлись, что ответить, и тогда, смутившись, он задумался на какое-то время, а затем, содрогаясь от плача, проговорил: «Царь Дурьодхана многосильный, единственный в своем могуществе, тот, ради которого мы и ввязались в распрю с Пандавами, убит! Оказавшись в бою один против многих ничтожеств, воистину отважный предводитель одиннадцати ратей, был он сражен Бхимасеной. Низким Вриккодарой совершено жестокое злодеяние, когда пнул он ногой его голову, над которой был совершен обряд помазания на царство! Кричали тогда панчалы, вопили и смеялись, ликуя, дули в сотни боевых раковин, били в барабаны. Громкий устрашающий рев вадитр, смешиваясь со звуками раковин, словно бы заполнил собою стороны света, разносимый ветром. Ржали кони, ревели слоны, слышались оглушительные львиные кличи героев. Рождаясь в восточной стороне, раздавались вздымающиеся (от ужаса) волосы на теле, звучные возгласы ликования, сопровождаемые грохотом колесничных ободов. После того, как Пандавы учинили такое избиение соратников Дхритараштры, в великом побоище нас уцелело лишь трое. Те, что мощью были подобны тысячам слонов,

искусно владея любым оружием, сокрушены сыновьями Панду, — я усматриваю в том превратность Времени. Воистину, так теперь и должно произойти (как я надумал) из-за того (их) деяния, таков (неминуемый) исход его, хотя совершилось (тогда) такое, что было (другим) совершить не под силу. И если не застало вас разум ослеплением, скажите же, что может быть лучше для нас, когда (перед нами) стоит столь великая цель?!»

Такова в «Книге об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» первая глава.

Глава 2

Крипа сказал:

Все выслушал я, о могучий, ты имеешь причины так говорить. Услышь же теперь, о мощнорукий, что я скажу. Все люди подчинены двум воздействиям — судьбы и собственных усилий, и нет ничего выше тех двух. Успеха в делах невозможно достичь благодаря одной лишь судьбе, о достойнейший, или же только одними своими усилиями: успех — в соединении их обоих. Все устремления, как низкие, так и высокие, подчиненные этим двум, всякий раз кажутся и связанными и не связанными с ними. Обрушивая дождь на гору, способствует ли урожаю Парджанья? Но если он орошает дождем возделанное поле, тогда не способствует ли он урожаю? И (человеческие) усилия, если судьба неблагоприятна, и судьба, если усилия не предпринимаются, совершенно бесплодны, — разве тут есть выбор? Если же бог посылает дождь и поле возделано хорошо, то урожай будет богатым, — вот и удача для человека! Из тех двух судьба направленно действует по собственной воле, но мудрые, опираясь на свою искусственность, делают все же упор на человеческие усилия. Все цели, о муж-бык, достигаются людьми лишь благодаря (сочетанию) тех двух, выглядят ли (эти цели) требующими действия или бездействия. Человек, предпринимая усилия, достигает успеха благодаря (расположению) судьбы, и деятельный обретает тогда плоды своей деятельности. Тогда как начинания людей мудрых, но лишенных (расположения) судьбы, выглядят в мире бесплодными, даже если они предпринимаются как должно.

Бездеятельные, те, что неразумны, осуждают действенные начинания людей, но мудрые не одобряют этого. Зачастую предпринятое действие выглядит на земле бесплодным, бездеятельность же оказывается действием с обильными плодами зла. Если не предпринимающий усилий чего-то случайно и добивается, или же не добивается (цели) тот, кто действует, оба они лишены расположения судьбы. Мудрый способен выжить, бездеятельный же не может преуспеть в (достижении) счастья; в этом мире живущих мудрые предстают обычно устремленными к благу. Если мудрый и деятелен, но не пожинает плодов своих действий, никоим образом не подвергнется он оговору, ибо взыскует истины. Тот же, кто, не прилагая усилий, пользуется в этом мире плодами (положенными) за труды, подвергается осуждению, зачастую к нему испытывают вражду. Так вот, тот, кто, пренебрегая этим, действует вопреки (должному), обрекает себя на напасти, но не таков удел мудрых. Без человеческих усилий, а также без (благоклонности) судьбы, — без (сочетания) обоих этих истоков (любое) устремление будет бесплодным; тем более лишнее собственных усилий начинание человека не возымеет успеха. Тот, кто, совершив поклонение богам, устремляется к своим целям как должно, искусный и наделенный умением, не подвергается бессмысленному урону. Ибо то устремление — надлежащее у того, кто почитает старших, советуется, что предпочесть, и следует доброму совету.

Всякий раз тому, кто приступает к действию, надлежит испросить (совета) у тех, кто почитаются как старейшие: это в них главный корень его побуждения, в том, говорят, коренится успех. Тот, кто, вознамерившись действовать, выслушивает советы старших, вскоре обретает должный плод своих усилий. Человек безудержный и непоттительный, тот, что устремляется к своим целям, движимый страстью, гневом, страхом и алчностью, быстро лишается удачи. Та цель, к которой неосмотрительно, по безрассудству стремился Дурьодхана, алчный и недалевидный, не может осуществиться. Не считаясь с теми, чей разум устремлен к добру, держа совет с несправедливыми, затеял он распрю с превосходящими его по достоинствам Пандавами, хотя его и пытались остановить. Крайне злобного нрава, издавна не способен был он к состраданию, мучился, когда рушился его замысел, ибо не следовало он советам друзей. Мы же послушались того нечестивца, оттого-то и пало на нас это великое страшное горе! Меня и теперь мучает эта беда, и, сколько ни думаю, не могу постичь разумом, в чем для меня теперь благо. А растерявшемуся человеку должно спросить (совета) у мудрых друзей, и как ответят они на вопрос, так и следует поступить. Пойдем же все вместе к Дхритраштре и Гандхари, порасспросим, приди чуда, и многомудрого Видуру. Спросим о том, В чем для нас безусловное благо, и как скажут они, так и следует сделать, — вот в какой мысли я укрепился. Те люди, у которых не спорится дело от отсутствия предприимчивости, даже если они и прилагают усилия, наказаны судьбой, и нечего тут сомневаться!

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» вторая глава.

Глава 3

Санджая сказал:

Выслушав благую речь Крипы, сообразную с дхармой и артхой, впал в тоску Ашваттхман от (обрушившихся) бед, о великий царь! Сжигаемый отчаянием, словно пылающим огнем, вынашивая жестокий замысел, обратил он свою речь к обоим (своим соратникам): «Какой разум ни есть у человека, тот и хорош для него, и каждый доволен своим разумением. Ибо всякий считает себя наимудрейшим в мире, высокомерно возносит сам себя над всеми, собственное разумение каждого покоится на благих речениях, иной же путь размышлений они порицают, а свой постоянно превозносят. Те, что мыслят сходно, объединенные тесной согласованностью побуждений, пребывают в довольстве друг другом и непрестанных глубоких размышлениях. Но какие бы ни были мысли в разное время у того же самого человека, столкнувшись с превратностью хода Времени, они начинают противоречить друг другу. Та или иная мысль рождается у думающих людей от невозможности (истинного) постижения, в особенности когда они наталкиваются на искаженное понимание.

Точно искусный лекарь, который, распознав соответствующим образом болезнь, составляет подходящее снадобье, чтоб успокоить (боль), о победоносный, так и люди размышляют над средствами достижения цели, исходя из собственного понимания (обстоятельств), но другие их порицают. В юности одни мысли смущают смертного, в зрелые годы — другие, в старости же его привлекают совсем иные размышления. А когда человек попадает в жестоку беду или же достигает такого вот успеха, мысли его, о Бходжа, меняются. У одного и того же человека в разное время возникают то одни, то другие мысли от перемены в понимании (происходящего), а ему это не по душе. Установив же, какой замысел, по его разумению, ему представляется верным, к тому он и тяготеет, тот и становится движущим в его начинаниях. Любого человек, о Бходжа, если решает, что именно есть для него благо, принимается действовать с воодушевлением даже тогда, когда эти действия изначально грозят ему смертью. Все люди, считая сообразным (происходящему) собственное его понимание, предпринимают различные усилия, считая, что именно в этом и есть благо. Вот что за мысль родилась у меня сегодня, вызванная бедой, — я возвещу вам ее, мою скорбь уносящую. Праджапати, сотворивший живущих, наделил их деятельностью, распределив ее в соответствии с варнами, согласно единственному, главному для каждой из них качеству. Для брахмана (главное) — постоянное смирение, для кшатрия — высочайший воинский пыл, для вайшьи — умение, а для шудры — услужение всем варнам. Не смиривший себя брахман несправеден, лишенный воинского пыла кшатрий — ничтожен, а неумелый вайшья порицается, как и шудра, отказывающийся от услужения.

Я рожден в достойном высокочтимом роду брахманов, но из-за нелепой судьбы вершу кшатрийскую дхарму. Если бы я, зная дхарму кшатрия, совершил величайшее деяние исходя из своей брахманской природы, я бы не счел это благом. Во время битвы у меня на глазах был убит отец мой, а при мне были тогда дивный лук и дивное оружие! Поэтому волей своею утвердившись в кшатрийской дхарме, я намерен теперь отправиться стезей царя (Дурьодханы) и отца моего многосветлого. Сейчас мирно заснут решительные панчалы, освободившись от снаряжения и доспехов, упоенные радостью (победы); нас же они мнят побежденными, уставшими от ратных трудов. А я нынче же совершу набег на их укрепленный лагерь, пока они спят в ночи на ложах в своем стане. Налетев на них в лагере, когда они забудутся мертвым сном, я уничтожу их подобно Магхану, напавшему на данавов. Нынче же я уничтожу их всех во главе с Дхриштадьомной подобно пылающему огню, охватившему лесной сушняк, а уничтожив панчалов, обрету наконец покой, о достойнейший! Я буду мчаться, уничтожая панчалов в бою, как сам Державный в руке (лук) Пинаку — яростный Рудра, (уничтожающий) скот. В ярости уничтожив, изуродовав нынче всех панчалов, я обреку на страдания в битве и сыновей Пандавов. Нынче, когда я покрою землю телами панчалов, перебив их всех одного за другим, я исполню свой долг перед отцом! Нынче я заставлю панчалов следовать тяжелой стезей Дурьодханы, Карны, Бхишмы, а также владыки синдху. Нынче же ночью, на самом ее исходе, я разобью голову царю панчалов Дхриштадьомне, — так с силой (разбивают) голову скоту. Нынче же ночью заостренным мечом, о Гаутама, в битве я сокрушу спящих панчалов и сыновей Пандавов. Уничтожив в ночи рать панчалов, погруженную в сон, я буду счастлив нынче тем, что исполнил свой долг, о многомудрый!»

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» третья глава.

Крипа сказал:

Самою судьбою, о неколебимый, порожден этот твой замысел: следует отомстить (Пандавам), и даже Тот, в чьей руке ваджра, не сможет тебя удержать. Мы оба вместе последуем за тобой на рассвете, но теперь ночь, поэтому освободись от доспехов и стяга и отдохни. Во всеоружии я последую за тобой, равно как и Сатвата Критаварман, когда ты, стоя на колеснице, направишься в сторону недругов. Вместе с нами обоими завтра ты покараешь в бою врагов, о лучший из колесничных воинов, напад на панчалов с их приспешниками. Ты готов выступить (теперь же), но отдохни этой ночью. Ты давно, родной, бодрствуешь, так поспи, пока еще ночь. А отдохнув и приведя в порядок свои мысли, преодолев дремоту, ты встретишься в битве с противником, о даритель гордости, и истребишь его без сомнения. Тебя, о лучший из колесничных ратников, когда ты возьмешься за свое прекрасное оружие, никто из богов одолеть не сможет, даже сам сын Огня. Кто рискован противостоять в бою, будь это сам Царь богов, сыну Дроны, выступившему в поход вместе с Крипой, в сопровождении Критавармана! Едва рассветёт, мы, отдохнув, пробудимся и безжалостно уничтожим врагов. У тебя и у меня есть чудесное оружие, нет в том сомнения, и Сатвата (Критаварман) также — владетель великого лука, постоянно являющий свое искусство в сражениях.

Объединившись, родной, мы легко уничтожим в битве всех недругов, собравшихся вместе, и тем обречем великую радость. Но (сначала) ты отдохни спокойно, мирно поспи этой ночью. Мы — я и Критаварман — двое лучников, губителей недругов, вместе во всеоружии последуем за тобой, отправляющимися в поход, когда ты, колесничный воин, стоя на колеснице, спешно тронешься в путь. Затем, достигнув их лагеря, ты возгласишь (в знак начала) битвы свое имя и учинишь великое истребление противостоящим врагам. А учинив им побоище на рассвете ясного дня, умиротворишься, точно Шакра, погубивший великих асуров. Ты в силах одолеть в бою колесничную рать панчалов, словно яростный Погубитель всех данавов — войско даятьев. Тебе вместе со мной, охраняемому к тому же Критаварманом, не сможет противостоять, явившись воочию, сам могучий (Индра) Державший в руке ваджру. Ни я, ни Критаварман, родной, ни за что не уйдем с поля брани, не одолев Пандавов! А повергнув в битве низких панчалов вместе с Пандавами, мы все возвратимся назад или же, если нам суждено погибнуть (в бою), отправимся на небеса. На рассвете, о мощнорукий, мы, твои соратники, (предстанем пред тобой) во всем снаряжении, о безупречный, — истинно говорю я тебе!

Когда дядя Драуни произнес, обращаясь к нему, эти благие слова, тот ответил, о царь, в гневе вращая глазами: «Разве может заснуть страдающий, тот, кто горит нетерпением, кто только и думает, что о своей цели, и вожделеет (отмщения)! Смотри — сошлись сейчас у меня все эти четыре (свойства), а ведь и одно из четырех могло бы лишить меня сна до рассвета. А что такое отчаяние в этом мире! Как вспомню об убийстве отца, так сердце мое тотчас воспламенится, не зная покоя ни ночью, ни днем. Едва лишь (подумаю), как был убит злодеями мой отец прямо у тебя на глазах! Все это разрывает мне сердце. Разве может такой, как я, услышав крик панчалов: „Дрона убит!“, — прожить в этом мире хотя бы мгновение! Я не вынесу жизни, если не умертвлю в бою Дхриштадьюмну; ему и панчалам, его приспешникам, суждено быть убитыми за то, что погубили моего отца! У какого даже (самого) жестокого человека не запылало бы сердце, если бы он услышал, как я, рыдания царя (Дурьодханы) с перебитыми бедрами! У какого даже (самого) безжалостного человека не исторглись бы слезы из глаз, если бы он услышал слова, подобные тем, что (произнес) царь с перебитыми бедрами! То, что он, мой сподвижник, повержен, а я остался в живых, умножает мое горе, — так водный поток (наполняет) океан. Лишь на этом одном сосредоточены мои помыслы так откуда мне ждать сна и покоя! Тех, что охраняемы Васудевой и Арджуной, я считаю неодолимыми даже для самого Махендры, о дядюшка, и все же никак не в силах удержаться от того, что нам надлежит совершить! Не вижу в этом мире никого, кто бы мог отвратить меня от этой цели. Таково решительное мое намерение, и это я почитаю для себя благом. Когда посланцы мне сообщили, что друзья мои повержены и победили Пандавы, сердце мое словно бы запылало. И лишь учинив теперь же истребление недругам, пока они спят (мирным) сном, я отдохну и засну, избавившись от (снедающей) меня лихорадки».

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» четвертая глава.

Глава 5

Крипа сказал:

Скудоумный человек, не смиливший своих чувств, даже если он и желает услышать (совет), не способен уразуметь полностью, в чем для него состоят долг и польза, — вот мое мнение. Равно как и мудрый, если не приучает себя к смирению, все равно никак не может постичь, в чем смысл его долга и пользы. Мудрый же человек, смиливший свои чувства и к тому же готовый услышать (совет), способен познать все, что предписано, и не восстаёт против того, что принято. Непокорный, злодущий грешник вызывает к себе презрение; отринув благое предначертание, он совершает много злых дел. Если есть у него покровители, они добросердечно пытаются отвратить его от злодеяния, и тот, кто способен остановиться, осенен Лакшми; оттого же, который отступит неспособен, Лакшми отворачивается. Друг может его (отговорить), подобно тому, как всячески урезонируют того, кто утратил разум, но если он не в силах (этого сделать), тот погибает. Именно так мудрые, сколько хватает сил, вновь и вновь пытаются воспрепятствовать тому, кто умен и им дорог, если он намерен сотворить злодеяние. Поэтому, устремив к добру свои помыслы, обуздай себя и сделай, родной, как я говорю, чтобы впоследствии не страдать! Не почитается в мире согласным с дхармой убийство спящих, так же как тех, что сложили оружие, сошли с колесниц и отпустили на волю коней, тех, что говорят: «Я в твоей власти» — и обращаются к тебе за защитой, тех, что (в знак траура) распустили свои волосы, и тех, чьи кони убиты. Сейчас в ночи уснут спокойно, мертвым сном, как преты, о могучий, освободившиеся от доспехов панчалы, и тот бесчестный человек, который посмеет напасть на них, когда они в таком положении, непременно ввернется в Нарак — глубокую, огромную и бездонную. Ты слынешь лучшим на свете среди знатоков всяческого оружия, и нет на тебе в этом мире ни малейшего прегрешения. Ты, солнцу подобный, когда солнце взойдет на заре, на виду у всего сущего одолеешь в бою недругов. Не пристало тебе делать, что порицается, что ляжет пятном на тебя, красным на белом, — вот мое мнение.

Ашваттхаман сказал:

Все это так, как ты говоришь, дядюшка, но здесь я вынужден настоять на своем, ибо прежде они сотни раз преступали ту заповедь. У тебя на глазах, на виду у (царей) хранителей земли Дхриштадьюмной в бою был сражен мой отец в то время, как он отложил оружие. И Карна, лучший из колесничных воинов, на великую нашу беду, был убит Владетелем лука Гандивы (Арджуной), когда колесо его колесницы увязло (в расселине). И Бхишма тоже был убит, безоружный, Владетелем лука Гандивы, пустившим пред собой Шикхандина, в то время как сын Шантану сложил оружие. И Бхуришравас, великий лучник, под крики хранителей земли убит был в бою Ююдаханой, в то время как он предавался посту. И Дурьодхана на глазах у хранителей земли был вопреки дхарме повержен палицей Бхимы, сойдясь с ним в бою. Окруженный один множеством великоколесничных воинов, тот муж-тигр вопреки дхарме был сражен Бхимасеной. С тех пор, когда я услышал, как рыдал царь с перебитыми бедрами, — о том мне рассказали свидетели, — сердце мое разрывается! Почему ты так же не порицаешь злодеев-панчалов, столь (часто) нарушавших дхарму, преступавших заповеди, попиравших все правила?! Этой же ночью я уничтожу панчалов, что погубили моего отца, пока они спят, и пусть потом буду рожден червем или молью. И я поспешу теперь же это исполнить; раз уж такое задумано, могу ли я спать спокойно, когда нетерпение снедает меня! В мире не родился еще такой человек и не будет такого, чтобы смог отвратить меня от задуманного — того, как их погубить!

Санджая сказал:

Сказав так, сын Дроны, пылающий (яростью), повелел, о великий царь, для себя одного запрягать коней, чтобы направиться в сторону недругов. Ему сказали великие духом Бходжа и (Крипа) Шарадвата: «Для чего же ты снарядил колесницу, какой замысел намерен исполнить? Разделяя твои устремления, мы выступаем с тобой, о муж-бык, на радость нам то или на горе, — ты не можешь в нас усомниться!» Ашваттхаман же, разъяренный, помня о том, как отец был убит, открыл им обоим истину — что именно он вознамерился совершить: «Убив сотни тысяч воинов острыми стрелами, мой отец был сражен Дхриштадьюмной, в то время как он отложил оружие. И я (прибегну) к такому же злодеянию — сразу злодея, сына панчалийского царя (Дхриштадьюмну), когда он лишен доспехов. Не достигнет злодей-панчала тех миров, что завоевываюся в бою оружием, если будет убит мною так, как убивают скот, — вот о чем мои помыслы! Поскорей надевайте доспехи и с мечами, натянув луки, следуйте за мной, стоя на лучших из колесниц, о губители недругов!» С этими словами, встав на колесницу, направился он в сторону недругов, а Крипа и Сатвата Критаварман, о царь, последовали за ним. Те трое, продвигаясь к (стану) врагов, блистали, точно разгоревшиеся (огни) — уносители жертвы во время яджни, когда возливают жертвенное масло. Они достигли лагеря, погруженного в сон, о могучий, но, приблизившись к входу, Драуни остановил свою прекрасную колесницу.

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» пятая глава.

Дхритараштра сказал:

Увидев, что Драуни остановился у входа (в лагерь), как поступили тогда Бходжа и Крипа, — поведай мне, о Санджая!

Санджая сказал:

Позвав с собой Критавармана и великоколесничного воина Крипу, обуянный яростью Драуни приблизился ко входу в лагерь (Пандавов). Увидел он там существо, огромное телом, сиянием подобное солнцу и месяцу, — (при виде) его волосы на теле вздымались (от ужаса); стояло оно, загораживая собою вход. Облаченное в тигровую шкуру, было оно обильно покрыто кровью; черная шкура оленя покрывала его, а вместо брахманского шнура его обвивала змея. Множеством далеко простирающихся мощных рук вздымал он разного рода оружие, а на них вместо браслетов были подвязаны огромные змеи; изо рта у него вырывались гирлянды пламени. Лик его с развешенным ртом был грозен, страшный своими клыками, отмеченный тысячами сверкающих глаз. Ни облик его, ни одевание описать невозможно, но при виде его, несомненно, даже горы могли бы рассыпаться в прах. Изо рта его, из ноздрей и ушей, из тысяч глаз то и дело исторгались мощные языки пламени. И тут из лучей этого пламени изошли сотнями тысяч хришикеши, держащие боевые раковины, диски и палицы.

Увидев такое диво — существо, повергающее в ужас мир, Драуни принялся бестрепетно осыпать его ливнем чудесного оружия. Но то огромное существо поглотило пущенные Драуни стрелы, точно огонь Вадавамукха — валы океанских вод. Ашваттхаман же, увидав, что потоки его стрел не достигли цели, метнул (в недруга) с колесницы копье, подобное пылающей лавине огня. Но, ударившись о то (существо), колесничное копье с пылающим наконечником раскололось, — как будто, столкнувшись с солнцем, огромный метеорит низринул с небес в конце юги. Тогда (Драуни) спешно извлек из ножен, — словно отливающую блеском змею из норы, — дивный меч с золотой рукоятью, сияющий, как небеса. Когда искусный воин нанес удар тому существу своим прекрасным мечом, тот, едва коснувшись его, изогнулся, точно стебелек хлопчатника. Тут разъяренный Драуни пустил в него пылающую палицу, подобную Индрову знамени, но существо и ее поглотило. И тогда, исчерпав все оружие, (Драуни) огляделся по сторонам и увидел, что все пространство вокруг, без малейшего промежутка, покрыто джанарданами. Узрев то чудо из чудес, лишившийся оружия сын Дроны произнес в отчаянии, вспоминая слова Крипы: «Кто не слушается друзей, которые говорят во благо ему, даже если он этого не приемлет, тот страдает, оказавшись в беде, как я, пренебрегший (советами) вас обоих! Кто, преступая нерушимые заповеди шаштр, решается на убийство, тот, сворачивая с праведного пути, ступает на путь дурной. Против коровы, брахмана, царя или женщины, против друга, матери и наставника, против старого, малого, недвижимого и слепого, против спящего, перепуганного, поднимающегося с места, против безумного, хмельного и пребывающего в забытии нельзя применять оружие, — именно этому прежде всегда учили мужей наставники. Поэтому я, свернув с извечной стези, предписанной шаштрами, действуя так — вопреки (предназначенному) пути, оказался в жестокой беде! Такую беду жесточайшей считают мудрые: нагрянув, она способна отвратить, повергнув в ужас, от самого великого замысла. И кто в этом мире способен совершить невозможное лишь с помощью силы! Известно же, что человеческие усилия никак не весомее, чем судьба. Если уж вершащему свое дело судьба не способствует, такой человек, свернув с праведного пути, попадает в беду. Мудрые говорят здесь о неведомой преграде, которая отвращает от какого бы то ни было действия, повергая в ужас. За строптивость мою настиг меня этот страх, а ведь сын Дроны никогда не поворачивал вспять в бою! А то величайшее существо — словно бы воздетый жезл судьбы, и как я ни обдумываю со всех сторон (происшедшее), не могу постичь этого. Конечно же это жестокий плод моего низкого замысла, что повернул меня против дхармы, предстал теперь этой преградой, и самую судьбой было назначено мне отступить в бою. Никогда, никаким путем невозможно избегнуть судьбы! И потому я обращаюсь теперь за покровительством к могучему Махадеве, он и подвигнет меня повергнуть этот грозный жезл судьбы. (Я) зываю к Капардину, Богу богов, Супругу Умы с гирляндой из черепов, к Рудре, Харе, Носящему в глазах Бхагу! Тот бог превзошел (всех) богов своим подвижничеством и геройством, потому и обращаюсь я за покровительством к Жителю гор, Держателю трезубца»..

Такова в книге «Об избиении спящих воинов» великой «Махабхараты» шестая глава.

Глава 7

Санджая сказал:

С этими мыслями сын Дроны, о владыка народов, покинул колесницу и замер смиренно в мысленном сосредоточении.

Драуни сказал:

Грозному Стхану, Шиве-Рудре, Шарве, Ишане, Ишваре, Жителю гор, богу — подателю даров, Бхаве, извечному Бхаване, Синешеему, нерожденному, Шакре, Кратхе, разрушителю жертвоприношения Харе, Вишварупе, Вирупахше, Супругу Умы, имеющему множество проявлений, пребывающему в местах сожжения трупов, горделивому и могучему властителю мощных ганов, держателю палицы с черепом на конце, бритоголовому брахмачарину с косицею на затылке, Сокрушителю Трипуры, — вот кому принесу я себя в жертвенный дар, с мыслями, не к добру обдумываемыми, неисполнимыми, скудоумными! К воспетому, воспеваемому, к тому, кого должно воспевать гимнами, к неотвратимому, облаченному в шкуру, кроваво-алому, Синегорлому, неприкосновенному, не знающему преград, к Шукре, Всесозидателю, Брахману, брахмачарину, к вершителю обетов, постоянно подвижничающему, беспредельному, к тому, кто есть стезя для подвижничающих, к властителю ганов, предстающему во множестве обликов, к Треокому, милому его свите, к лику которого устремляются взоры предводителей ганов, к возлюбленному сердца Гаури, отцу Кумары коричнево-красному, к Тому, чья вахана — отборный бык, к носящему тело как одеяние, безмерно грозному, посвятившему себя украшению Умы, к высшему, высочайшему из высших, превыше которого нет никого, носителю лучшего оружия со стрелами, к пребывающему в далеком южном краю богу в доспехах из золота, украшенному тиарой месяца, — в глубочайшем самососредоточении обращаюсь я к этому богу за покровительством! Да преодолею теперь я эту жестокую неодолимую напасть, принеся в жертву пречистому чистый жертвенный дар — все (мое) существо!

Как только стало известно, что он устремил свои помыслы к самоотречению, пред ним, великим духом, возник золотой алтарь. В том алтаре, о царь, воссияло тогда яркое солнце, заливая сияющими потоками небеса, поднебесье, основные и промежуточные стороны света. Появились тут (существа) с пылающими глазами на лицах, со множеством ног, рук и голов, слоноподобные, похожие на горы, с огромными пастями, напоминающие собак, кабанов и верблюдов, коней, шакалов и крокодилов, с мордами медведей и кошек, схожие с тиграми и леопардами, с вороньими клювами, лягушачьими ртами, с клювами попугаев, с пастями могучих удавов, с гусиными клювами, отливающие белизной, с клювами дятлов и голубых соек, о бхарата, с черепашьими ртами и пастями крокодилов, дельфинов, с огромными пастями макаров, мордами аллигаторов, с львиными мордами, клювами кроншнепов или же голубиными, с клювами горлиц и водоплавающих, с ушами-руками, тысячеглазые шатодары, лишенные плоти, кукушкообразные, с клювами ястребов, о царь-бхарата, и безголовые, наводящие ужас медвежьими мордами, с горящими глазами и языками, с огненными пастями, с бараньими мордами, о царь, иные же — козлоголовые, подобные морским раковинам, раковинообразные, с ушами-раковинами, обвешанные гирляндами раковин, исторгающие вопли подобно реву боевых раковин, с косицами на затылке и пятью прядями, обритые наголо, поджарые, четырехзубые и четырехязычные, с ушами-пиками, увенчанные тиарами, с венцами на головах, о Индра царей, курдючоволосые, с тюрбанами и диадемами, иные — с зачаровывающими лицами, в украшениях, с ожерельями из белых и голубых лотосов, в убранстве из лилий, — было их сотни тысяч, наделенных величием духа.

В руках у них были шатагхни и диски, о бхарата, держали они наготове булавы, арканы и бхушунди, вооружились они и палицами. С привязанными за спиной колчанами, полными всевозможных стрел, со стягами и флажками, с боевыми колокольцами и топорами, исполненные ратного пыла, воздевали они огромные арканы, держа дубинки, вооружившись брусками, с мечами в руках. Их тиары вздымались змеями, и браслетами на предплечьях у них были тоже могучие змеи, — столь удивительным было их снаряжение. Покрытые пылью, измазанные илом, все в белых венках и одеждах, с синими и красноватыми телами и бритыми лицами, сияющие золотом, они, торжествуя, оглашали ряды своих сподвижников звуками боевых раковин и (барабанов) бхери, мриданга, джхарджхара, анака и гомукха. Одни пели, другие плясали, повсюду сную, двигаясь, многосильные, то плавно, а то скачками. Они носились, быстрые, неистовые, с развевающимися по ветру волосами, то и дело издавая вопли, будто могучие слоны во время истечения мады. Грозные, с копьями и пиками в руках, в разноцветных одеждах и ярких гирляндах, умащенные благовониями, они наводили ужас своим видом. С браслетами на предплечьях, сверкающими драгоценными камнями, с воздетыми руками, отважных губителей недругов, нападающих на тех, кто им по силам и кто не по силам, сосущих кровь и жир, пожирающих плоть и внутренности, с вихрами на головах, ушастых, тощих и с кринкоподобными животами, малорослых и высоченных, мощных, приводящих в трепет, ужасных, с черными отвисшими губами, с огромными «шарами» на черенке детородного органа, в разно-

образных многоценных тирах, бритых и с косицами, тех, что на земле могли бы сотворить небо вместе с луной, планетами и созвездиями, тех, что способны (полностью) истребить все сущее четырех видов, тех, что навек отринули страх, подчинялись лишь излому бровей Хары, тех, что достигают цели, делая что им заблагорассудится, тех, что властвуют над владыками троесмирия, тех, что исполнены радости постоянного благоденствия, тех, что владеют Словом и не ведают зависти, тех, что, обретя восьмичастную власть, не испытывают изумления, но чьим деяниям изумляется постоянно сам Бхагаван Хара, — этих своих (почитателей)-бхактов, постоянно убаглотворяемый их почтительными мыслями, речами и действиями, он охраняет, точно родных сыновей, мыслью, речью и действием. Иные из них, злые, неперестанно сосущие кровь и жир недругов-брахманов, те, которые постоянно пьют сому, что состоит из двадцати четырех частей, постижением Вед, соблюдением брахмачарьи, подвижничеством и самообузданием убаглотворив Держателя трезубца, пришли к единению с Бхавой. Бхагаван Махешвара, властвующий над прошлым, настоящим и будущим, вместе с Парватой и теми, что ему преданы, повелевает сонмаи бхутов.

На все лады оглашая окрестности громами кличей и взрывами хохота, воспевая хвалу Махадеве, изливая сияние, двинулись они, сверкающие, к Ашваттхаману с намерением укрепить могущество великого духом Драуни. Желая испытать его воинский пыл, обуреваемые жадной увидеть (избиение) спящих, собрались отовсюду сонмища бхутов, — ужасные видом, держали они в руках страшные грозные брусы из железа, пылающие головни, пики и копья. Одним видом своим они могли бы повергнуть в ужас все троесмирие, но многочисленный (Драуни) при виде их не испытал и смятения. И вот Драуни с луком в руках, подвязав зашитый ремень и наперстки, сам приуготовил себя в качестве жертвенного дара. В том обряде, о бхарата, поленьями были луки, фильтрами — острые стрелы, а его собственным жертвенным подношением — он сам. Пламенный сын Дроны, обуянный великим гневом, (произнес) заклание, положенное при возлиянии сомы, приступил к принесению себя в жертву. Восславив Рудру, чьи деяния грозны, неколебимого в грозных деяниях, он так сказал ему, великому духом, сложив у груди ладони: «Я, рожденный в роду Ангирасов, приношу себя в жертву огню, — прими же мое подношение, о Бхагаван! (Оказавшись) в беде, с (любовью)-бхакти к тебе, о Махадева, Атман вселенной, в глубочайшем самососредоточении я предаю себя в твои руки! Ибо в тебе все сущее и ты во всем сущем, на тебе зиждется единство важнейших гун. О могучий защитник всего сущего, прими меня, бог, предстоящего пред тобою жертвенным подношением, раз бессилен я перед недругом!» С этими словами ступил Драуни на пылающий алтарь и с отрешенной душой, поднявшись, вошел в огонь, что оставляет черный след. Увидев, что он, воздев руки, застыл недвижимо, являя собой жертвенный дар, Бхагаван Махадева произнес улыбаясь: «Преданностью истине, чистотой, стойкостью и самоотречением, подвижничеством и верностью обету, смиренном и любовью, умом и речами, как должно, убаглотворил меня Кришна, неутомимый в подвигах, и потому нет для меня другого, кто был бы мне так же сильно дорог, как Кришна. Желая выказать ему почтение и чтоб испытать тебя, тщательно оберегал я панчалов, прибегая к многочисленным уловкам. Оберегая панчалов, явил я ему свое расположение, но они не достигнуты Временем, и не жить им теперь!» Сказав так великому лучнику, Бхагаван принял свой телесный облик и даровал ему прекрасный сверкающий меч. И когда явился ему Бхагаван, (герой) вновь воссиял (ратным) пылом и благодаря пламенности духа, сотворенной тем богом, обрел воинское величие. Невидимые бхуты и ракшасы сбежались к нему, когда он, — воочию сам Ишвара, — выступал по направлению к лагерю недругов.

Такова в «Книге об избиении спящих воинов» великой «Махабхараты» седьмая глава.

Глава 8

Дхритараштра сказал:

Когда великоколесный сын Дроны направился к лагерю, не пытались ли повернуть вспять, обуянные страхом, Крипа и Бходжа? Не были ли они остановлены, замеченные жалкой охраной, не отступили ли, великоколесничные, полагая, что не одолеть (им недругов)? А может, разгромив тот лагерь и уничтожив сомаков и Пандавов, оба они удалились высочайшим путем, на который (ступил) в битве Дурьодхана. Или же, может, они, убитые панчалами, покоятся на земле, или ими обоими содеяно то деяние, — поведай, Санджая!

Санджая сказал:

Когда великий духом сын Дроны подошел к тому лагерю, Крипа и Критаварман остановились у ворот. Ашваттхаман же, видя, что те великоколесничные воины колеблются, медленно и торжественно произнес, о царь, такие слова: «У вас достало решимости известить всю кшатру, так стоит ли говорить об остатках воинства, тем более если оно погружено в сон! Я ворвусь в этот лагерь, мчась наподобие Времени, так что ни один человек не уйдет от меня живым!» С этими словами Драуни, отринув страх, миновал ворота и вступил в обширный лагерь Партхов. Проникнув туда, он, мощнорукий, осмотрелся и медленно двинулся к тому месту, где возлежал Дхриштадьюмна.

Те же (воины), завершив великий (ратный) труд, крайне утомленные битвой, спали спокойным сном в окружении воинства. И вот, приблизившись к месту, где находился Дхриштадьюмна, Драуни увидел пред собою, о бхарата, Панчалью спящим на широком ложе из белого полотнища, убранном богатыми покрывалами, украшенном изысканными цветочными гирляндами, благоухающем ароматами душистых порошков и воскурений. О владыка земли, пинком он разбудил того великого духом (воина), возлежавшего на ложе и спавшего глубоким безмятежным сном! Безмерный душою, тот, еще не остыв после боя, очнулся от толчка ногой, приподнялся и узнал великоколесничного воина, сына Дроны. А многочисленный Ашваттхаман, едва тот приставал на ложе, руками стянул его за волосы и придавил к земле. С силой притиснутый им, о бхарата, охваченный со сна внезапным ужасом, Панчалья не мог и шевельнуться. Наступив ногой ему на горло и на грудь, о царь, вознамерился (Драуни) убить его, как (убивают) жертвенное животное, а тот содрогался и кричал. Вот (Панчалья), цараяя ногтями Драуни, сдавленно произнес: «О сын наставника, не медли — убей меня, но только лишь оружием! Тогда благодаря тебе я попаду в благословенные миры, о лучший из людей!» Услышав эти невнятные произнесенные слова, Драуни сказал: «Не существует миров для убийцы наставника, позорище рода! Поэтому ты, злоумышленник, не стоишь того, чтобы быть убитым оружием!» С этими словами он, точно лев на разъяренного слона, в ярости (набросился) на того героя, жестоко избивая его ногами во все жизненно важные точки тела.

От предсмертных криков героя, о великий царь, проснулись женщины, что были в его покоях, и его стража. Увидев мощного (Драуни), являвшего нечеловеческую дерзость, они приняли его за бхута, от ужаса не в силах вымолвить ни слова. Отправив (героя) таким способом в обиталище Ямы, (Драуни), исполненный ратного пыла, взшел на прекрасную колесницу и двинулся прочь. Покидая то место, о царь, кличем огласил он окрестности и помчался, могучий, на колеснице по лагерю, исполненный решимости уничтожить недругов. Едва сын Дроны, великоколесничный воин, удалился, женщины вместе со всеми стражниками подняли крик. Увидев, о бхарата, что царь Дхриштадьюмна убит, принялись стенать кшатрии, исполненные отчаяния. Привлеченные их криками, быки-воины стали быстро прилаживать мечи, вопрошая: «Что это?!» А женщины, о царь, заведя Бхарадваджу, в трепете взывали сдавленными голосами: «Поспешите скорей! Ракшаса то или человек, мы не знаем; вот он стоит, поднявшись на колесницу, это он убил царя панчалов!» Тогда те первые среди воинов быстро окружили (Драуни), но он, едва они подошли, разметал их всех оружием Рудры. Убив и Дхриштадьюмну, и его сподвижников, увидел он невдалеке спящего на своем ложе Уттамауджаса. С силой наступив ему ногой на горло и на грудь, так что тот зашелся криком, он погубил и этого сокрушителя недругов. Тут подоспел Юдхаманью, думая, что (воин) убит ракшасом, и, подняв свою палицу, стремительно поразил Драуни в самое сердце. Но, бросившись на него, тот схватил и повалил его на землю, а затем убил и его, дрожащего, как убивают (жертвенный) скот. После того как герой умертвил его, ринулся он на других великоколесничных воинов, о Индра царей, которые были погружены в сон, там и тут (настигая) их, трепещущих и дрожащих, подобно тому, кто поставлен убивать скот для жертвоприношения. Затем, искусный в сражении мечами, он выхватил свой меч и принялся рубить на части других (людей) поодиночке, прокладывая себе путь. Потом, заметив отряд воинов, он мгновенно истребил всех тех, что составляли его ядро, пока они все, остальные, спали, отложив оружие.

Лучшим из мечей разил он воинов, коней и слонов, по всему телу его струилась кровь, и был он подобен Антаке, сотворенному Временем. Трижды Драуни оросила кровь: из содрогавшихся (тел), с воздетого меча и во время самого удара; словно бы нечеловеческим был облик его, окропленный кровью, когда он разил (врагов) сверкающим мечом, сея величайший ужас.

Пробудившись ото сна (воины), оглушенные шумом, взирали друг на друга, а заведя Драуни, пришли в смятение. Кшатрии, сокрушители недругов, при виде такого его облика зажмуривали глаза, принимая его за ракшаса. Устрашающий видом, он несся по лагерю подобно Времени и наконец увидел сыновей Драупади и сомаков, тех, что остались в живых. Встревоженные шумом, сыновья Драупади, великоколесничные воины, услышав, что убит Дхриштадьюмна, взяли за луки и бесстрашно, о владыка народов, осыпали Бхарадваджу множеством стрел. Затем, пробудившись от шума, Шикхандин и прабхадраки обрушили стрелы на сына Дроны. Но Бхарадваджа, увидев, что те дождем изливают потоки стрел, издал мощный клич, вознамерившись уничтожить

неодолимы (воинов). Затем, помня о том, как был убит отец его, в неистовой ярости он соскочил с колесницы и стремительно ринулся (на врага). Могучий (воин), схватил он огромный щит, украшенный тысячей лун, и дивный тяжелый меч, отделанный золотом, и, устремившись к сыновьям Драупади, помчался с мечом по полю брани. И вот этот муж-тигр поразил в бою Пративиндхью прямо в живот, и тот, о царь, пал замертво. Тогда пламенный Сутасома, поразив копьем Драуни, вновь ринулся на сына Дроны с воздетым мечом, но тот бык-муж отсек Сутасоме руку вместе с мечом, а затем нанес ему удар в бок, и тот рухнул с пробитым сердцем.

Тут отважный Шатаника, сын Накулы, подняв обеими руками колесничное колесо, с силой бросил его (Ашваттхаману) в грудь. А тот дваждырожденный, едва Шатаника выпустил колесо, нанес ему такой удар, что тот в беспамятстве рухнул на землю, и тогда (Драуни) отсек ему голову. Вот Шрутакарман, схватив железный брус, ринулся на Драуни и мощно ударил его слева в лоб, но тот прекрасным мечом нанес Шрутакарману удар в лицо, так что он замертво пал на землю с изуродованным лицом. На шум к Ашваттхаману ринулся мощнолукий герой Шрутакирти и осыпал его ливнями стрел, но тот, щитом отразив ливни его стрел, отсек ему от тела сверкающую сергами голову. Тогда Погубитель Бхишмы вместе со всеми прабхадраками принялся отовсюду мощно разить героя разнообразными стрелами и наконец вонзил ему прямо между бровей стрелу с каменным наконечником. Но многосильный сын Дроны, охваченный яростью, настиг Шикхандина и мечом разрубил его надвое. Убив Шикхандина, губитель недругов, обуянный гневом, стремительно бросился тогда к прабхадракам и налетел на остатки воинства Вираты. И где ни встречал он, многосильный, сыновей, внуков, союзников Друпеды, тут же учинял им жестокое избиение. Каких бы иных мужей ни настигал Драуни, искушенный в «путях меча», он всякий раз рубил их своим мечом.

Черная, с красными глазами и пастью, в красных гириандах, разрисованная красной мазью, облаченная в красные одежды, с арканами в руках, вихрастая, явилась им воочию Ночь Смерти, с хохотом надвигаясь (на них), грозными арканами опутывая людей, коней и слонов, влача за собой опутанных арканами бесчисленных претов с лишенными волос головами. И в иные ночи, о достойный, те лучшие из воинов видели, как она увлекает за собой погруженных в сон и как Драуни постоянно несет погибель (воинам). Как только разгорелась битва меж ратями куру и Пандавов, с тех самых пар являлось им, как и Драуни, это видение. Прежде обреченных судьбою на смерть, исторгая грозные кличи, сокрушал теперь Драуни, приводящий в трепет все сущее. Вспоминая картину минувшего, те герои, достигнутые судьбой, думали: «Вот оно — то самое!» От шума проснулись сотни тысяч лучников в лагере сыновей Панду, и тогда одному он отсек обе ноги, другому — бедро, иным раздробил бока, точно созданный Временем Антака. Вся земля, о могучий, была устлана тязко страдающими, жестоко истерзанными, кричащими (воинами), затоптанными слонами и конями; слышались восклицания: «Что это? Кто это? Что за шум? Что же такое делается?!» Так Драуни явился тогда для них Антакой.

Лучший из воинов, Драуни отправлял в обителище Смерти перепуганных сторонников Пандавов, а также сринджаев, оставшихся без оружия и воинского снаряжения. Трепеща пред его оружием, объятые ужасом, они вскакивали, ослепшие от сна, но там и тут падали вновь, лишившись сознания. Со скованными неподвижностью бедрами, утратившие в растерянности силы, дрожащие; они, громко вопя, давили друг друга. И тут Драуни, снова встав с луком в руках на грозно грохочущую колесницу, стрелами принялся отправлять других в обителище Ямы. И вновь достойнейших из мужей, что наступали издалека, и других героев, которые шли против него, он предавал во власть Ночи Смерти. Так он носился (по лагерю), давая недругов своей колесницей, осыпая их ливнями всяческих стрел. Драуни мчался с ярко сверкавшим щитом, украшенным сотнями лун, и мечом цвета неба; опьяненный побоищем, он поверг в смятение лагерь, о Индра царей, — так слон (возмущает покой) огромного озера. Поднимались от этого шума, о царь, забывшиеся сном воины и, терзаемые ужасом, спросонья бежали кто куда. Иные рыдали беззвучно, (другие же) кричали что есть сил, не находя ни оружия своего, ни одежды. Некоторые, простоволосые, даже не узнавали друг друга; одни вскакивали в ужасе, другие брели наугад, кое-кто ронял испражнения, а кто-то истекал мочой.

Кони, слоны, о Индра царей, порвав привязь, налетали один на другого, производя великое смятение. Иные мужи в страхе льнули к земле, а кони и слоны давили их, падающих. В то время, как это происходило, довольные раکشасы громко вопили от радости, о муж-бык, лучший из бхаратов! Сонмища бхутов, о царь, охваченные ликованием, подняли крик, так что мощный шум заполнил собой все стороны света и небеса. Заслышав эти тревожные звуки, слоны и кони без наездников принялись носиться по лагерю, топча людей. Пыль, поднятая ногами бегущих, удвоила темноту ночи в лагере. Когда опустилась такая тьма, люди повсеместно впали в безумие, так что отцы не узнавали своих сыновей, а братья — братьев. Слоны, налетая на слонов, и кони без седоков — на коней, сбивали друг друга, калечили и топтали, о бхарата! Изувеченные, они на бегу сталкивались друг с другом и, обрушивая противника наземь, затаптывали и убивали его. Обезумевшие, еще во власти сна, окутанные тьмою, люди истребляли своих же, понуждаемые Временем. Стражники покидали ворота, а главы отрядов — тех, кто был у них под началом, и безрассудно устремлялись прочь, убегая что было сил.

Истребляемые, они и тогда не узнавали друг друга, восклицая: «Отец мой! Сын!» — судьбою лишенные разума, о могучий! Разбегаясь в разные стороны, покидая своих родных, люди зывали друг к другу, (выкликая) свои родовые имена. Иные лежали на земле, издавая горестные возгласы, а сын Дроны, опьяненный боем, заметив, убивал их. Некоторые из кшатриев, истребляемых на каждом шагу, подавленные ужасом, в безумии устремлялись прочь из лагеря, но едва они, дрожащие, пытаясь уцелеть, выбрались наружу, у входа в лагерь их убивали Крипа и Критаварман. Они не упустили никого, хотя те были без оружия, доспехов и снаряжения, простоволосые, держали у груди просительно сложенные руки и, содрогаясь от ужаса, падали ниц. Ни один из выбравшихся за пределы лагеря не был отпущен теми двумя — Крипой и злоумным Хардикей, о великий царь! Они же, стараясь доставить сыну Дроны еще большее удовольствие, с трех сторон наслали на лагерь (огонь). Пожирателя жертв. Ашваттхаман, радость отца, носился с мечом в умельных руках по освещенному (пламенем) лагерю, о великий царь! Лучший из дваждырожденных, этим мечом он разлучал с жизнью героев — как тех, что ему противостояли, так и других, убежавших. Иных же воинов отважный сын Дроны в ярости рассекал надвое своим мечом, обрушивая их наземь, — точно (срезал) стебельки сезама.

Земля, о бык-бхарата, была устлана павшими — лучшими из воинов, (отборными) конями и слонами, кричавшими в смертной муке. Когда пали замертво тысячи людей, возникли во множестве (безглавые) кабандхи, что вздымались и падали. (Драуни) отсекал (воинам) головы, руки в браслетах вместе с оружием, бедра, подобные слоновьим хоботам, кисти и стопы, о бхарата! Одним, настигая их, Драуни рассекал спину, другим голову, разбивал бока, третьих обращал в бегство, некоторых разрубал пополам, иным отсекал уши, а кому-то, нанося удары по плечам, вбивал голову в тело. Пока он носился так, истребляя великое множество воинов, тьмою лежала грозная ночь, и вид ее был ужасен. Земля являла собой жуткое зрелище: кое в ком еще теплилась жизнь, но тысячи других, множество людей, коней и слонов были убиты. Изувеченные яростным сыном Дроны, они валились на землю, страшную из-за (тел) колесничных коней и слонов, кишевшую якшами и раکشасами.

Одни зывали к своим матерям, другие к отцам, третьи к братьям своим, иные же восклицали: «Такого не совершили в бою даже злобные сыновья Дхритараштры, что сделали с нами, погруженными в сон, эти жестокие раکشасы! Лишь потому что отсутствуют Партхи, они учинили нам это побоище. Ни богам, ни асурам, ни гандхарвам, ни якшам, ни раکشасам не под силу одолеть Каунтею, хранимого Джанарданой. Добродетельный, правдоречивый, смиренный, сострадающий всему сущему, Партха, Завоеватель богатств, не нападет на спящего, на пребывающего в забытии, на сложившего оружие, на молящего о пощаде, спасающегося бегством или простоволосого. Это зло содеяли жестокие раکشасы!» — так причитало, лежа (на земле), множество людей. Одни из них стонали, другие невнятно вскрикивали, и вдруг мгновенно громкий шум побоища утих. Когда земля окропилась кровью, о хранитель земли, страшная пыль сражения улеглась. (Драуни) в ярости погубил тысячи людей, сталкивавшихся меж собой, подавленных и отчаявшихся, точно Пашупати — скот. Тех, что лежали, тесно прижавшись друг к другу, и других, спасающихся бегством, пытавшихся укрыться или противостать ему, — всех сразил Драуни. Истребляемые им и сжигаемые (огнем), Пожирателем жертв, воины сами отправляли один другого в обителище Ямы. К середине той ночи, о Индра царей, Драуни отослал великое воинство Пандавов в места обитания Ямы.

Та страшная ночь, гибельная для воинов, слонов и коней, была той самой, что возвращает радость существ, бродящих в ночи. Появились там раکشасы и разного рода пищачи, пожирающие человеческую плоть и пьющие кровь. Грозные желтокожие чудища с зубами, как горные пики, грязные, с косицами на головах, длиннобедрые, пятиногие, с огромными животами, отогнутыми назад пальцами, грубые, бесформенные, грозно вопящие, с коленями колоколом, наводящие ужас, низкорослые, с синими шеями, беспредельно жестокие, безжалостные, отталкивающие обличьем, — такими предстали там, сопровождаемые сыновьями и женами, разные виды раکشасов. Напившись крови, иные из них целыми сонмищами, радостные, пускались в пляс, приговаривая: «Вот это подарок! Вот это вкусное подношение!» Жадно поглощали они, кровопийцы, живущие мертвечиной, жир, мозг, кости, лимфу и

кровь, пожирали плоть. Некоторые, опившись лимфы, бегали с раздувшимися животами — жуткие кровопийцы, разномастные пожиратели плоти. Десятками тысяч и более — миллионами прибывали туда страшные видом, огромные, жестокие раکشасы. Были на месте великого побоища вместе с теми, что насытились и ликовали, появившиеся во множестве бхуты, о владыка людей!

На исходе ночи вознамерился Драуни покинуть тот лагерь. Рука его, окропленного человеческой кровью, сжимала рукоять меча, и казалось, что они — одно целое, о могучий! Истребивший недругов без остатка, он блистал посреди людского побоища, как (огонь) Очищающий, что обращает в прах все сущее на исходе юги. Совершив во исполнение обета это деяние, о могучий, сын Дроны, проделавший неодолимый (для другого) путь, избавивший от лихорадки (сжигающей его из-за смерти) отца. Ночью муж-бык вступил в лагерь, где люди были погружены в сон, и теперь, разгромив его, так же в полном безмолвии, он уходил оттуда. Выйдя за пределы лагеря и соединившись с обоими (своими соратниками), о владыка, отважный (Драуни) поведал им радостно обо всем, что содеял, вселяя в них радость. А те, желая сделать ему приятное, с громкими радостными возгласами, хлопая в ладоши, также сообщили ему добрую весть — о том, что истреблены тысячи панчалов и сринджаев. Вот такой, исполненной необычайного ужаса, была та ночь, (когда свершилось) избиение воинов-сомаков, забывшихся сном. Нет сомнения — превратности Времени не избежать: пали здесь те, что нам учинили побоище!

Дхритараштра сказал:

Отчего великоколесничный Драуни прежде не совершил подобного величайшего деяния, радея о победе моих сыновей? Отчего же великолучный сын Дроны совершил это деяние лишь после того, как была уничтожена кшатра? Ты должен мне рассказать об этом.

Санджая сказал:

Только из страха перед (Пандавами) не сделал он этого, о радость куру! Ибо в отсутствие Партхвов и мудрого Кешавы, а также Сатьяки было совершено сыном Дроны это деяние, а присутствуя они, и сам Властелин марутов не смог бы уничтожить тех (воинов). И свершилось такое, могучий царь, когда люди спали! Тогда же, учинив беспрецедентное побоище Пандавам, великоколесничные воины, соединившись друг с другом, восклицали: «Это судьба! Это судьба!» Обнял тогда их обоих довольный Драуни и в величайшей радости молвил такое веское слово: «Убиты все панчалы и все сыновья Драупади, сомаки и остатки матсьев, — все они уничтожены мной! Теперь, когда мы достигли своей цели, не медля пойдем туда, где находится наш царь (Дурьодхана), и, если он еще жив, сообщим ему эту радостную весть».

Такова в книге «Об избиении спящих воинов» великой «Махабхараты» восьмая глава.

Глава 9

Санджая сказал:

Истребив без остатка всех панчалов и сыновей Драупади, все вместе отправились они туда, где пал Дурьодхана. Явившись, застали они владыку людей, твоего сына, едва живым и, соскочив с колесниц, окружили его. Увидели они, что он без чувств (лежит) на земле с перебитыми бедрами, о Индра царей, и кровь бьет у него изо рта. Со всех сторон окружало его множество диких зверей, грозных видом, (сновали) поблизости стаи шакалов, готовых сожрать его; с трудом отгонял он зверье, стремящееся его растерзать, корчась на земле от непомерно жестоких страданий. Трое героев — Ашваттхаман, Крипа и Сатвата Критаварман, — тогда как остальные были убиты, — терзаемые горем, стояли вокруг него, великого духом, лежащего на земле, омытого собственной кровью. В окружении трех великоколесничных воинов, обгабренных кровью, тяжело вздыхающих, царь воссиял, как алтарь с тремя огнями. Глядя на лежащего царя, не заслужившего такой доли, те трое зарыдали в невыносимой тоске. Отирая руками кровь с его лица, в горе оплакивали они павшего в битве царя.

Крипа сказал:

Нет тяжелее (удела, ниспосланного) судьбой: лежит поверженный, омывшись кровью, Дурьодхана, предводитель одиннадцати ратей. Пала наземь рядом с ним, блистающим золотом, его палица, любимейшая среди палиц, украшенная позолотой. Ни в одной битве палица эта не покидала героя, и даже теперь она не оставляет славного (воина), когда он отправляется на небеса. Вот она, отделанная золотом, лежит, согласно дхарме, на ложе рядом с героем, точно любящая супруга. Тот сокрушитель недругов, что был главой посвященных на царство, теперь, поверженный, глотает пыль, — вот какова превратность Времени! Ранее, поверженные им в бою, полегли на землю недруги, а теперь тот царь куру, сам поверженный недругами, лежит на земле. Тот, перед кем сотнями сонмов в страхе склонялись цари, теперь возлежит на ложе героя в окружении хищников! Властитель, которого прежде почитали цари за богатство его, ныне лежит поверженный, — вот какова превратность Времени!

Санджая сказал:

Затем, о лучший из бхаратов, Ашваттхаман, глядя на первого среди царей, возлежавшего (на смертном ложе), принялся горестно его оплакивать: «Называют тебя, о царь-тигр, первым среди всех лучников, подобным Владыке богатств, а в бою — учеником Омкаршаны. Как же грешный душой Бхимасена, о безупречный царь, угледил изъян у тебя, сильного и во всем удачливого?! Видно, Время могущественнее всего в этом мире, если мы видим тебя, о великий царь, поверженным в бою Бхимасеной! Как же тебя, знающего все дхармы, смог, изувечив, повергнуть низкий, ничтожный и грешный Врикодар?! Видно, Время не превзойти! Вызвав тебя на бой, в битве во имя дхармы, но вопреки дхарме (кшатрия), Бхимасена палицей мощным ударом раздробил твои бедра. Позор Юдхистхире — он, низкий, спокойный смотрел, как тот вопреки дхарме придавил ногой голову поверженного в битве! Станут твои в боях воины порицать Врикодару, доколе будет существовать живое, раз ты изуродован и повержен. О царь, не говорил ли тебе всегда наделенный отвагою Рама, радость ядавов: «Нет равного Дурьодхане, если с ним его палица!» Варшнея, о царь, могучий бхарата, прилюдно славил тебя: „Кауравья — лучший ученик мой в битве на палицах!“ Ступил ты на ту стезю, что величайшие святые мудрецы называют славной стезей кшатрия, который пал, не отвратившись от боя.

О Дурьодхана, муж-бык! Не о тебе я печалюсь, — я печалюсь о Гандхари, сыновья которой убиты, равно как и об отце твоём: нищими скорбно будут скитаться они по земле. Позор Кришне Варшнею и злоумному Арджуне, которые, кичась своим знанием дхармы, смотрели, как тебя убивают! И что же скажут все те лишенные стыда Пандавы (царям), владыкам людей: как ими был повержен Дурьодхана? Достойно тебя, о сын Гандхари, муж-бык, погибнуть в сражении, когда идешь на врага в согласии с дхармой. Пали сыновья Гандхари, погибли ее близкие, родичи; какая стезя уготована неодолимо (Дхритараштре), чьи глаза — его мудрость? Позор Критаварману, мне и великоколесничному Крипе, что не мы удаляемся на небеса, а тебя, царя, пропускаем вперед, что не следуем мы за тобой, дарующим, что ни пожелаешь, за защитником, радующим о благе подданных! Позор нам, ничтожнейшим из людей! Благодаря отваге твоей и Крипы, моей и отца моего дома подопечных наших, муж-тигр, были полны сокровищ. Благодаря твоей милости нами вместе с друзьями и родичами совершены многие из важнейших жертвенных обрядов с обильными дарами. Окажемся ли мы в подобном собрании, вместе с которым ты удаляешься вслед за всеми царями?! Мы трое, о царь, оттого, что не следуем за тобой, уходящим высочайшим путем, обречены на мучения, лишенные (права разделить) с тобой (пребывание) на небесах, утратив благоденствие и лишь сохраняя память о твоих благодеяниях! Каким же должен быть тот поступок, благодаря которому мы смогли бы последовать за тобой?

Горестно будем скитаться мы по этой земле, о лучший из куру, и откуда (ждать) нам покоя, о царь, откуда (ждать) счастья, если нет тебя с нами! Когда, удалившись отсюда, встретишься ты, о великий царь, с (павшими ранее) великоколесничными воинами, окажи им почести за меня сообразно заслугам, начиная со старшего. Почтив наставника (Дрону), знамя всех лучников, соблаговоли возгласить, о владыка людей, что ныне повержен мной Дхриштадьумна, обними царя Бахлику, величайшего колесничного воина, Сайндхаву, Сомадатту и Бхуришраваса, обними за меня и других достойнейших из царей, прежде ушедших на небеса, и узнай, благополучны ли те». Произнеся это, Ашваттхаман взглянул на царя, (лежавшего) в забытии с перебитыми бедрами, и снова заговорил: «О Дурьодхана, если ты еще жив, услышь весть, радующую слух: осталось в живых только семеро среди Пандавов, а из сторонников Дхритараштры — нас трое. Это пятеро братьев (Пандавов), Васудева и Сатьяки, а по другую сторону — я, Критаварман и Крипа Шарадвата. Все сыновья Драупади и сыновья Дхриштадьумны убиты, все панчалы и остатки матсьев, о бхарата, уничтожены! Вот и свершилось возмездие: лишились Пандавы сыновей, и лагерь их, погруженный в сон, уничтожен вместе с людьми и упряжными животными. Мною, когда я ночью ворвался в лагерь, о владыка земли, тот злодей Дхриштадьумна был умерщвлен точно так же, как умерщвляют скот!»

И тут Дурьодхана, внимая тем приятным для его души словам, очнулся и произнес: «Чего не сделали для меня ни Гангея, ни Карна, ни твой отец (Дрона), то содеяно ныне тобою вместе с Крипой и Бходжей! А раз уничтожен тот низкий предводитель (вражьего) воинства вместе с Шикхандином, я считаю себя ныне сравнявшимся с Магхаваном. Да обретете вы преуспевание, благо вам! Наша новая встреча — на небесах». — И, сказав так, царь куру, многомудрый герой, в молчании исторг праны, чем поверг в скорбь

соратников. «Да будет так!» — Они обнялись, обняли царя и, оборачиваясь то и дело, взошли на свои колесницы. Тогда, выслушав эту скорбную речь твоего сына, терзаемый горем, на рассвете я поспешил в город. Когда твой сын удалился на небеса, о безупречный, я, снедаемый мукой, утратил дар чудесного видения, дарованный мне святым мудрецом.

Вайшампаяна сказал:

Услышав такое о гибели своих сыновей и родичей, тот царь долго и жарко вздыхал, а затем погрузился в думы.

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» девятая глава.

КОНЕЦ СКАЗАНИЯ «ОБ ИЗБИЕНИИ СПЯЩИХ»

СКАЗАНИЕ ОБ ОРУЖИИ АЙШИКА

Глава 10

Вайшампаяна сказал:

Когда прошла та ночь, колесничий Дхриштадьумны поведал Царю дхармы (Юдхиштхире) о побоище, учиненном спящим воинам: «Сыновья Драупады вместе с сыном Друпидой, о великий царь, забылись ночью спокойным сном в своем лагере, и тогда в ночи ваш лагерь был уничтожен злодеем Критаварманом, Крипой Гаутамай и Ашваттхаманом. Сразив мечами, копьями и секирами тысячи воинов, слонов и коней, погубили они без остатка твоё воинство! Слышался громкий шум, о бхарата, когда рубили твоё воинство, точно огромный лес — топорами. Я один уцелел из той рати, о достойный владыка земли, едва спасшись от неукротимого Критавармана». Услышав эту горькую весть, неодолимый сын Кунти Юдхиштхира пал наземь, охваченный тоскою по сыновьям. Сатьяки, Бхимасена, Арджуна и (младшие) Пандавы, сыновья Мадри, бросились к нему и подхватили падающего. Очнувшись, Каунтея (Юдхиштхира), который, победив врагов, оказался ими же побежденным, в муке принялся причитать срывающимся от горя голосом: «Непознаваем путь к цели даже для тех, что наделены чудесным провидением! Иные, и побежденные, одерживают победу, а мы, победители, побеждены. Уничтожив братьев и сверстников, отцов и сыновей со множеством их соратников, одолев всех родичей, советников, внуков, мы оказались побеждены! Воистину, беда оборачивается благом, тогда как благо выглядит бедой. Победа эта имеет вид поражения, оттого эта победа и есть поражение, когда, победив, страдаешь потом, будто несчастный глупец! Разве можно считать это победой, если потом наголову разгромлен врагами!

Побеждены решительные (воины) побежденными прежде (недрузьями), не знающими колебаний, теми, из-за которых грех (лежит на нас) — позорная победа в братоубийственной битве! Убиты, застигнутые врасплох, те, что спаслись от грозного Карны, зубы которого — «ушастые» и трубчатые стрелы, а язык — это меч, от того, который в бою натягивал лук до отказа, исторгая ладонью звон тетивы, от яростного мужа-льва, которого нельзя было обратить вспять с поля брани. Пали, застигнутые врасплох, царские сыновья, которые с помощью всевозможного оружия, точно на лодках, переправились через океан-Дрону, колесница которого — водные просторы, ливни стрел — волны, скопления драгоценных камней — выстроенные в ряды упряжные животные, копы и пики — рыбы, слоны с флагами — крокодилы, крупные стрелы — пена, колчаны — водовороты, а восход луны над полем брани — (океанские) берега, оглашаемые громом ударов ладоней о тетиву и грохотом колесничных ободов. Здесь, в этом мире живущих, люди не могут подвергнуться столь мощному истреблению, если только их не застанут врасплох. Человека, когда он застигнут врасплох, всецело покидает удача и обступают напасти. Пали, застигнутые врасплох, царские сыновья, которые в великом бою выстояли против Бхишмы, вершившего жертвенное возлияние различным оружием и доспехами, против того мощного лесного пожара, настигшего прекраснейшие из деревьев — великое воинство, против того, чьи красивые стяги — рвущийся ввысь дымознаменный (огонь), стрелы — языки пламени, мощно раздуваемого (ветром) его ярости, шум которого — грохот колесничных ободов и удары ладони о тетиву огромного лука, а сила — летящее в цель оружие.

Для человека, застигнутого врасплох, недостижимы ни знание, ни подвижничество, ни преуспевание, ни высокая слава. Смотри — Махендра, не давший застигнуть себя врасплох, сокрушил всех недругов, обретя заслугу удачного жертвоприношения. А царские сыновья и внуки, подобные тому же Индре, — смотри, — пали все до единого, застигнутые врасплох! Точно богатые купцы, что, переправившись через океан, предались забавам и нашли погибель в ничтожной речушке, — так лежат они, убитые неистовыми (врагами), обретя, без сомнения, третье небо. Я печалюсь о праведной Кришне: как бы не погибла она теперь в океане скорби! Как узнает о том, что убиты ее братья, сыновья и старый отец, царь панчалов (Друпид), тут же, лишившись сознания, падет она наземь, да так и будет лежать, и стройное тело ее сломит отчаянием. Не в силах превозмочь порожденную бедою тоску, достойная радостей, как будет она жить, преследуемая (мыслью) о гибели сыновей, смерти братьев, будто сжигаемая (огнем) Пожирателем жертв!» Так стеная, несчастный царь куру повелел Накуле: «Ступай и доставь сюда царскую дочь несчастную вместе с родными ее по матери». Выслушав в согласии с дхармой повеление царя, воплощения дхармы, сын Мадри спешно отправился на своей колеснице туда, где пребывала царица вместе с женами царя панчалов. Отправив (Накулу), сына Мадри, Аджамидху (Юдхиштхира), терзаемый отчаянием, рыдая, тронулся в путь вместе с близкими туда, где на ратном поле (полегли) его сыновья и кишели уже скопища духов-бхутов. Когда он достиг того (места), открылась ему ужасная в своей жестокости картина: сыновья его, друзья и сподвижники лежали на земле с обгаренными кровью телами, проломленными, пробитыми и отсеченными головами. Увидев такое, Юдхиштхира, первый среди кауравов, лучший из вершителей дхармы, выражая всем видом своим тяжкую скорбь, громко вскричал и без чувств рухнул на землю в окружении свиты.

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» десятая глава.

Глава 11

Вайшампаяна сказал:

Когда он увидел павших в бою сыновей, братьев, друзей, душа его, о Джанамеджая, преисполнилась великого горя. Глубокое страдание охватило (царя), могучего духом, когда он стал вспоминать о сыновьях, внуках, братьях, своей родне; глаза его наполнились слезами, он задрожал, готовый лишиться чувств, а друзья в крайней тревоге принялись утешать его. И вот в тот самый миг на исходе дня в солнцеподобной колеснице появился Накула вместе со страдальцей-Кришной. Находясь в Упадлаве, услышала она о той величайшей беде и впала в отчаяние из-за гибели всех своих сыновей. Трепеща, как банановое дерево под налетающим ветром, Кришна, приблизившись к царю, пала наземь, измученная страданием. Лицо ее с глазами, подобными лепесткам раскрывшегося лотоса, точно солнце, поглощенное тьмой, внезапно осунулось от горя. Увидев, что она упала, воистину отважный, яростный Врикодара бросился к ней и подхватил обеими руками. Бхимасена пытался утешить красавицу, а Кришна, рыдая, сказала, обращаясь к Пандаве (Юдхиштхире) и его братьям:

«Волей судьбы, о царь, ты станешь теперь владеть всею этой землей, согласно кшатрийской дхарме, предав своих сыновей Яме. Волей судьбы, о Партха, ты жив-здоров и, обретя всю землю, не вспомнишь теперь о сыне Субхадры, поступью схожем с разъяренным слонем. Слыша о том, что мои сыновья-герои пали в согласии с дхармой, вместе со мной в Упадлаве волей судьбы ты не вспомнишь о них! С тех пор как я услышала о том, что они, спящие, истреблены злодеем Драуни, горе сжигает меня, о Партха, как Пожиратель жертв свое вместилище. Если сегодня же ты не выйдешь на битву и в поединке не лишишь жизни злодея Драуни вместе с его приспешниками, если Драуни не вкусит плода своего злодеяния, я здесь же изведу себя постом, — знай это, Пандава!» Проговорив это, славная Кришна Яджнясени присела напротив Пандавы Юдхиштхиры, Царя дхармы. Глядя на сидящую рядом любимую супругу, царь-мудрец Пандава, верный душою дхарме, отвечал Драупады, чарующей обликом: «О красавица, сведущая в дхарме! В согласии с дхармой сыновья и братья твои приняли достойную смерть, и не должно тебе горевать о них! А сын Дроны, прекрасная, ушел в лес далеко отсюда, так как же ты сможешь узнать, прекрасная, что пал он в бою?»

Драупады сказала:

Мне известно — у сына Дроны на голове есть жемчужина, с которой он родился, и если увижу, что принесут эту жемчужину, уничтожив злодея (Драуни) в битве, и прикрепят ее, о царь, (тебе) на голову, лишь тогда я смогу жить, — так я решила.

Вайшампаяна сказал:

Сказав так царю Пандаве, чарующая обликом Кришна приблизилась затем к Бхимасене и гневно произнесла такие слова: «Ты должен спасти меня, Бхима, памятуя о дхарме кшатрия, — убей того злодея, как Магхаван — Шамбару! Нет здесь другого такого, что сравнится бы с тобою отвагой. Известно во всех мирах, как в городе Варанавате, когда (нам грозила) большая беда, именно ты явился для Партхов спасителем, и при встрече с Хидимбой ты также защитил (нас). И в городе Вираты ты, как Магхаван — Пауломи, спас меня от беды, когда я была жестоко преследуема Кичакой. Как прежде, о Партха, ты вершил столь великие деяния, так и теперь, о сокрушитель недругов, погуби Драуни и благоденствуй!» Внимая тому, как на все лады оплакивала она свои беды, не

выдержал многосильный Каунтея Бхимасена. Он поднялся на мощную колесницу, сверкающую золотом, и взял блестящий, переливающийся лук вместе со стрелами, отвечающими ему достоинствами. Поставив Накулу колесничим, избранный (Драупади), дабы покарать сына Дроны, он быстро погнался коней, натянув лук со стрелой. Скорые, как ветер, гневные кони, подгоняемые (Накулой), стремительно, быстрым ходом помчались вперед, о муж-тигр! По колесничному следу, ведущему от собственного лагеря (Пандавов), неколебимый отважный (Бхима) спешно двинулся тем путем, что был проложен колесницей сына Дроны.

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» одиннадцатая глава.

Глава 12

Вайшампаяна сказал:

Когда удалился неодолимый (герой), лотосокий (Кришна), бык-ядава, сказал Юдхистхире, сыну Кунти: «Твой брат Пандава-бхарата, не вынеся тоски по сыну, отправился в путь, о бхарата, намереваясь уничтожить Драуни в бою. Бхима тебе дороже всех твоих братьев, о бык-бхарата, — так отчего же ты не удержал его, когда он устремился навстречу опасности? Ведь то оружие, называемое "брахмаширас", о котором Дрона, покоритель вражеских поселений, поведал своему сыну, способно спалить землю! Великий духом, великий участю наставник, зная всех лучников, испытывая призыв к Завоевателю богатств (Арджуна), передал ему это (оружие). Неистовый сын (Дроны) просил его тогда о том же, и тот, словно бы без особой охоты, поведал ему о нем. Известна необузданность его сына, великого духом, и наставник, знаток всех дхарм, никогда ему не потворствовал. "Даже если, сын мой, ты попадешь в битве в большую беду, тебе нельзя будет использовать это оружие, а против людей — в особенности", — так сказал, о муж-бык, своему сыну наставник Дрона и следом добавил: "Ведь ты не из тех, что придерживаются стези праведников!" Выслушав от отца те горькие слова, злодушный (Драуни), протистившись с надеждой на всяческие блага, пал наземь в отчаянии. Затем, о бхарата, лучший из куру, пока ты пребывал в лесах, явился он в Двараку и зажил там, высочайше почитаемый вришнями. И вот однажды, после того как поселился в Дваравати, пришел он ко мне один, когда и я в одиночестве (находился) на берегу океана, и сказал, улыбаясь: "То оружие под названием "брахмаширас", чтимое богами и гандхарвами, о Кришна, (то оружие), что воистину доблестный мой отец, наставник бхаратов, верша суровое подвижничество, принял от Агастьи, ныне (принадлежит) мне, о Дашарха, как некогда (принадлежало) моему отцу. Прими это наше чудесное оружие, о первый среди ядавов, мне же даруй твой диск-чакру, несущую гибель в бою недругам". Испытывая дружелюбие к нему, с жаром просившему у меня, сомкнув у груди ладони, мое оружие, я ответил ему, о царь, бык-бхарата: "Боги, данавы и гандхарвы, люди, птицы и змеи — все вместе взятые не стоят и сотой доли моей мощи. Какое бы оружие ты ни пожелал: этот ли лук, то ли копье, эту чакру, ту палицу, — я дарую его тебе! Какое оружие ты сможешь поднять или использовать его в битве, то и бери, а остальное, что пожелаешь, оставь для меня".

И тот мощнорукий выбрал сделанную из железа чакру с тысячей спиц, с красивой ступицей, подобной ступице (Индровой) ваджры, тем самым бросив мне вызов. Я тотчас сказал: "Бери же чакру!" Стремглав он бросился к чакре, схватил ее левой рукой, но не смог даже сдвинуть с места, о неколебимый! Тогда он попытался взять ее правой, но, несмотря на все усилия, не удалось ему завладеть ею. Злоумнейший Драуни, прилагая все свои силы, не смог ни поднять, ни подвинуть (чакру); истратив все силы, о бхарата, он утомился и отступил. И когда Ашваттхаман оставил эту безумную затею, я подозвал его, взмокнувшего, и сказал: "Тот, кто слышет недостижимым образом для богов и людей, — Белоконый Владелец лука Гандива (Арджуна), на стяге которого лучшая из обезьян; тот, кто вознамерился одолеть в поединке самого Ишу, Бога богов, Синешеего Супруга Умы и тем ублажил (Шиву) Шанкару; тот, милее которого нет для меня на земле человека, и не существует такого, чего бы я не отдал ему, будь то жены мои и сыновья, — даже он, приходясь мне другом, о брахман, даже тот Партха, неутомимый в подвигах, никогда не обращал ко мне такие слова, какие ты произнес! Тот, кто был обретен мною благодаря подвижничеству, когда я, удалившись на склон Химавана, двенадцать лет провел, соблюдая великую суровую брахмачарью; тот, кто рожден Рукмини, прошедшей через тот же самый обет; исполненный пыла сын мой, зовущийся Прадьюмна Санаткумара, — даже он не смел просить у меня эту великую, дивную, несравненную чакру, которую ты, глупец, рискнул попросить у меня! Ни Рама безмерно могучий, ни Гада, ни Самба никогда прежде и не заикались о том, о чем ты рискнул меня попросить! И другие, живущие в Двараке вришнии и андхаки, великоколесничные воины, даже не поговаривали прежде о том, о чем ты попросил. Приходясь родным сыном наставнику бхаратов (Дроне), о лучший из колесничных воинов, почитаемый всеми ядавами, уж не вознамерился ли ты сражаться, используя чакру?"

Когда я сказал так, Драуни мне ответил: "Совершив тебе поклонение, с тобою, о Кришна, я мог бы сразиться! Потому (я) просил у тебя чакру, чтимую богами и данавами, что стал бы непобедим, о могучий, — истинно то, что я говорю тебе! Но, не осуществив из-за тебя, о Кешава, моего воистину невыполнимого желания, я покину тебя, о Говинда, — благослови меня милостиво! Этой чакрой с прекрасной ступицей владеешь ты, бык среди вришней, не зная равных себе (в битве) чакрами, и не сравнится с тобою другой на земле!" С этими словами юный Драуни, приняв от меня упряжь, коней и луки, отправился в путь, (одаренный) разными сокровищами. Он гневен и злодушен, жесток и своенравен, ему ведомо оружие «брахмаширас» и потому Врикодаре надлежит остерегаться его».

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» двенадцатая глава.

Глава 13

Вайшампаяна сказал:

Сказав так, первый среди воинов, радость всех ядавов, поднялся на свою великую колесницу, полную всевозможного отборного оружия, запряженную прекрасными камбоджийскими конями с золотыми гирилами. Ту лучшую из колесниц цвета солнечного восхода взяли коренные: справа — Сайнья, а слева — Сугрива, пристяжными же были Мегхапуша и Балахака. Сотворенное Вишвакарманом дивное древко его знамени, украшенное различными драгоценными камнями, казалось взметнувшимся над колесницей волшебным видением. В лучах сияющего ореола был виден стоящий там Вайнтея, враг змеев, знамя истинного (бога). Взошел (на колесницу Кришна) Хришикеша, зная всех лучников, а (следом за ним) Арджуна, вершитель истинных деяний, и Юдхистхира, царь куру. Те двое, великие духом, стоя рядом с Дашархой, Владетелем лука Шарнги, возвышавшимся в колеснице, блистали, точно два Ашвина подле Васавы. Позволив подняться им на свою колесницу, чтимую миром, Дашарха хлыстом принялся погонять отборных стремительных коней. Кони резко взяли с места, увлекая лучшую из колесниц, в которой стояли двое Пандавов и бык-ядава. Несущие Владетеля лука Шарнги быстроходные кони подняли страшный шум, так что казалось, будто взлетела птичья стая.

Те мужи-тигры, о бык-бхарата, поспешив вслед за Бхимасеной, настигли вскоре великолучного воина, но и нагнав Каунтею, который пылал гневом, великоколесничные (герои) не смогли удержать его, устремившегося на врага. Завидев тех славных (воинов) с крепкими луками, он продолжал гнать своих стремительно мчавшихся коней к берегу Бхагиратхи, где, как говорили, находился Драуни, погубитель сыновей великих духом (Пандавов). Вот увидел он великого духом, славного Кришну Двайпаяну Вьясу, сидевшего вместе со святыми мудрецами у самой кромки воды. Поблизости заметил он Драуни, вершителя жестоких деяний, — (на теле) его, натертом растопленным маслом, была лишь узкая полоска из травы куша, а волосы пропитаны пылью. Каунтея Бхимасена мощнорукий, держа лук и стрелы, ринулся к нему с криком: «Стой! Стой!» Увидев грозного лучника, державшего лук, а позади него — стоявших в колеснице Джанарданы братьев (Пандавов), Драуни пал духом, понимая, что настал час (расплаты). И вспомнил он тут, став беспечальным душою, о том дивном, превосходящем любое другое оружие. Оказавшись перед лицом беды, обратился Драуни к волшебному оружию и левой рукой взялся за «айшкку». Горю нетерпением (покарать) тех героев, что стояли, держа наготове дивное оружие, в ярости он испустил грозный клич: «Смерть Пандавам!» И с этими словами, о царь-тигр, пламенный сын Дроны пустил в ход свое оружие, намереваясь привести в смятение все миры. И вот в тростниковой стреле возник огонь, словно бы нацелившись испепелить три мира, подобно Яме-Калантаке.

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» тринадцатая глава.

Глава 14

Вайшампаяна сказал:

Мощнорукий Дашарха, с самого начала понявший по движениям Драуни его намерение, обратил свою речь к Арджуне: «О Арджуна, Арджуна! Пробыл час, Пандава, того дивного оружия, которому обучил тебя Дрона, — (наука) эта хранится в твоём сердце! Чтоб защитить своих братьев и себя самого, прибегни в бою, о бхарата, к тому оружию, что способно остановить любое другое». Когда сказал ему это Кешава, Пандава, погубитель вражеских героев, быстро сошел с колесницы, держа лук и стрелы. Со

словами: «Да будет благо прежде сыну наставника, а после — мне и всем моим братьям!» — губитель недругов, почтив богов и наставников, обратил свои помыслы к Шиве и пустил в ход то оружие с мыслью: «Да будет усмирён (Драуни) этим оружием!» И тогда вспыхнуло оружие, мгновенно пущенное Владетелем лука Гандива (Арджуной), исторгая мощные языки пламени, подобно огню конца юги. Тут и оружие жгучепламенного сына Дроны вспыхнуло ярким огнем, окруженным жарким ореолом. Загрохотали раскаты грома, пали тысячами зарницы, великий ужас охватил все сущее; шумом наполнился небосвод, ярко расцвеченный огненными гирляндами, пришла в движение вся земля с горами, лесами и деревьями. Понимая, что оружие обоих (воинов) мощью пламени вот-вот спалит миры, явились туда вместе два великих святых мудреца — Нарада и верный дхарме прародитель бхаратов (Вьяса), чтобы остановить обоих героев — Бхарадваджу и Завоевателя богатств. Те отшельники, знатоки всех дхарм, радеющие о благе всякого существа, встали, источая яркое сияние, между тем и другим пламенным оружием. Стоя между славными недолимыми (героями), те первые среди святых мудрецов были подобны двум пылающим огням. Неподвластные силам живущих, равные (мощью) богам и данавам, (возжелали они), радея о благе миров, усмирить пламя оружия.

Святые мудрецы сказали:

Знатоки всевозможного оружия, великоколесничные воины, те, что ушли (на небо) ранее, никогда не использовали против людей такое оружие!

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» четырнадцатая глава.

Глава 15

Вайшампаяна сказал:

Муж-тигр (Арджуна), Завоеватель богатств, едва увидев тех двух (мудрецов), пламенностью подобных огню, поспешно убрал свою волшебную стрелу. Первый среди владеющих словом, сложив смиренно ладони, сказал он тогда святым мудрецам: «Пущено мною это оружие, дабы остановить оружие (недруга). Но раз это великое оружие остановлено, злодей Драуни тотчас пламенем своего оружия испепелит нас всех без остатка! Однако же, если это на благо и нам, и всем мирам, то вы, богоподобные, вправе остановить его». С этими словами Завоеватель богатств сложил оружие, а ведь прекратить его действие в битве не под силу и богам. Никто, кроме Пандавы, даже Стосильный (Индра), явившись воочию, был бы не в силах остановить в бою то величайшее оружие, когда оно пущено в ход. Несовершенный духом не смог бы его удержать, раз оно начало действовать, ибо оно есть порождение пламенной мощи Брахмы, — (такое по силам) лишь тому, кто исполнил обет брахмачарина. Если же тот, кто не прошел через брахмачарью, приведет это оружие в действие, а затем попытается его остановить, оно отсечет голову и ему, и его близким. Арджуна, исполнивший обет брахмачарина, даже страдая от тяжелой беды, хотя и обрел то недоступное другому оружие, (никогда) не пускал его в ход. Пандава Арджуна, герой-брахмачарин, вершитель истинных обетов, следует заветам наставников, и потому он смог остановить это оружие.

Драуни же, увидев тех двух стоявших перед ним святых мудрецов, не смог в битве прервать действие своего грозного оружия. Не в силах остановить в бою то величайшее оружие, Драуни в сердечной тоске сказал Двайпаяне, о царь: «Мучимый безмерным страданием, в ужасе перед Бхимасеной использовал я это оружие, о отшельник, желая спасти свою жизнь! Вразрез с дхармой, владыка, идет то, что содеял в бою вероломный Бхимасена, решившись убить сына Дхритараштры (Дурьодхану)! Потому-то, о брахман, я, хоть и несовершенен душою, пустил в ход это оружие и теперь не в силах его обуздать. Волшебное это оружие, которое отразить невозможно, приведено мною в действие на погибель Пандавам, о отшельник, и заклятем я вселил в него пламенную мощь. Поэтому, нацеленное на то, чтобы принести погибель Пандавам, теперь оно лишит жизни всех потомков Панду! Разум мой был обуян гневом, о брахман, когда я совершил этот грех — использовал в битве это оружие, намереваясь истребить Партхов!»

Вьяса сказал:

Партха, Завоеватель богатств, которому ведомо оружие «брахмаширас», прибежал к нему не во гневе и не ради того, чтобы сразить тебя в поединке. Оружие, пущенное рукою Арджуны, чтобы остановить в битве твое оружие, вновь остановлено им же. Мощнорукий Завоеватель богатств, обретший оружие Брахмы благодаря наставлению отца твоего, не поступил кшатрийской дхармой! И как ты посмел возжелать смерти столь праведного, стойкого, достойного знатока всяческого оружия вместе с его братьями и близкими! Ту страну, где оружием «брахмаширас» бьются с (другим) мощным оружием, двенадцать лет Парджанья не орошает дождем. Именно потому мощнорукий Пандава, радея о благе живущих, не сокрушает это твое оружие, хотя он и в силах (это сделать). И Пандавов, и тебя, и царство нам надлежит постоянно оберегать, — поэтому, о мощнорукий, останови это дивное оружие! И да остынет твой гаев, а Партхи пусть остаются целы и невредимы! Царь-мудрец Пандава (Юдхиштхира) не желает победы вопреки дхарме. Отдай им эту жемчужину, что на твоей голове, а Пандавы, получив ее, взамен сохранят тебе жизнь.

Драуни сказал:

Эта моя жемчужина превосходит ценностью и те сокровища, что есть у Пандавов, и то богатство, которое было добыто кауравами. Тот, кто носит ее, никогда не ведает страха ни перед оружием, ни перед болезнью, ни перед голодом, а также перед богами, данавами и демонами-змеями. Нет (у такого) страха ни перед толпами ракшасов, ни перед разбойниками, и я ни за что не могу расстаться со столь ценной жемчужиной! Но как ты сказал, о владыка, так мне и надлежит немедленно поступить. Вот жемчужина, а вот я! Да поразит эта стрела чрево каждой женщины из стана Пандавов; она, без промаха бьющая, уже нацелена!

Вьяса сказал:

Делай же так, если разум твой никак невозможно направить на что-то другое! Послав (оружие) во чрева женщин из стана Пандавов, на том и успокойся!

Вайшампаяна сказал:

Тогда Ашваттхаман, выслушав слова Двайпаяны, в крайнем возбуждении направил то величайшее оружие во чрева (женщин Пандавов).

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» пятнадцатая глава.

Глава 16

Вайшампаяна сказал:

Узнав о том, что злодеем пущено в ход то (оружие), Хришикеша (Кришна) торжественно обратил свою речь к Драуни: «Дочери Вираты, которая приходит с снохой (Арджуна), Владетелю лука Гандива, некий брахман, верный обету, увидев ее, когда она пришла в Упаплавью, ранее предрек: „Когда будет истреблен род Куру, родится у тебя сын, который, пребывая еще в утробе, будет принадлежать к Парикшитаг. Да будут истинны слова того праведника, — станет сын ее Парикшит основателем нового рода!» Но разъяренный Драуни так отвечал тогда Говинде, первому среди сатватов, на его слова: «Не будет того, о чем говоришь ты, о Кешава, занимая сторону (Пандавов), как не бывать тому, о лотосокий, чтоб не исполнились мои слова! Достигнет это оружие, мною нацеленное, чрева дочери Вираты, той, которую ты, о Кришна, намерен спасти!»

Васудева сказал:

Метким будет удар того величайшего оружия, но, и умерщвленное во чреве, дитя все же родится на свет, и суждена ему будет долгая жизнь. Тебя же все мудрые будут считать ничтожеством, многогрешным злодеем и детоубийцей! И потому да пожнешь ты плоды этого злого деяния — три тысячи лет будешь странствовать по земле, нигде и ни от кого не встречая содействия! Одиноким, без спутников станешь бродить ты по разным краям, и не окажется тебе, низкий, места среди людей. Будешь ты, грешный душою, странствовать, сопровождаемый запахом гноя и крови, находя пристанище лишь в пещерах и диких местах, подверженный всевозможным болезням. А Парикшит-герой, достигнув зрелости и обретя по обету знание Вед, получит всяческое оружие от Крипы Шарадваты. Познав это лучшее оружие, верный обету кшатрийской дхармы, в течение шести лет он, преданный душой дхарме, будет хранить землю. И больше того, царем куру тот мощнорукий царь, нареченный Парикшитом, станет прямо у тебя на глазах, о ничтожнейший помыслами! Ты увидишь, подлейший из людей, какова мощь моего подвижничества и истинность (моих слов)!

Вьяса сказал:

Если ты, будучи брахманом, невзирая на нас, совершил столь жестокий поступок, если таков твой образ действий, то сбудутся несомненно великие слова, что произнес сын Деваки. Ступай побыстрее отсюда, низкий в своих деяниях!

Ашваттхаман сказал:

С тобою вместе, о брахман, буду я пребывать меж людей, но пусть будут истинны слова Бхагавана Пурушоттхамы.

Вайшампаяна сказал:

Отдал жемчужину Драуни великим душою Пандавам и, поникший, у всех на глазах отправился в лес. Пандавы же, чей недруг был повержен, с жемчужиной, от рожденной принадлежавшей сыну Дроны, следуя за Говиндой, Кришной Двайпаяной (Вьясой) и великим отшельником Нарадой, поспешили к мудрой Драупади, подвергшей себя смертному посту. И вот те мужи-тигры на добрых конях, подобных ветру, вместе с Дашархой возвратились в лагерь. Спешно сойдя с колесниц, великоколесничные воины увидели отчаявшуюся Кришну Драупади и сами пришли в еще большее отчаяние. Вместе с Кешавой приблизились Пандавы к ней, утратившей радость, погруженной в скорбную тоску, и встали вокруг. Многосильный Бхимасена с дозволения царя (Юдхиштхиры) подал ей ту дивную жемчужину и произнес такие слова: «Вот эта жемчужина, благо тебе! Повержен убийца твоих сыновей. Вставай же! Отринув печаль, вспомни о дхарме кшатриев! Когда Васудева направился заключить мир (с кауравами), тобою, о скромница черно-окая, были сказаны Сокрушителю Мадху такие слова: „Нет у меня супругов, нет сыновей, нет братьев, и тебя нет для меня, о Говинда, если царь (Юдхиштхира) стремится к миру (с врагами)!“ Сказала ты суровые слова Пурушоттам, но тебе надлежит помнить, что они согласуются с дхармой кшатрия. Убит грешный Дурьодхана — препятствие на пути (возвращения) царства, испил я крови трепетавшего (в муке) Духшасаны. Оплачен долг, который платится убийцей, и нас не смогут осудить те, что вознамерятся о том судачить: сын Дроны повержен, но отпущен (нами) благодаря его брахманскому происхождению и родству с наставником. Слава его померкла, о царица, лишь брэнное тело ему осталось, он лишился своей жемчужины и бросил оружие наземь».

Драупади сказала:

Я приму это лишь как оплату долга: сын наставника для меня — что наставник. Да водрузит, о бхарата, царь (Юдхиштхира) эту жемчужину себе на голову!

Вайшампаяна сказал:

Тогда царь взял и водрузил ее себе на голову, следуя воле Драупади, (посчитавшей), что эта (жемчужина) осталась (им) от наставника (Дроны). И тут великий могучий царь (Юдхиштхира) с дивной прекрасной жемчужиной на голове воссиял, точно гора, (освещенная) луной. Поднялась тогда мудрая Кришна, терзаемая тоскою по сыновьям, а Царь дхармы (Юдхиштхира) стал вопрошать мощнорукого Кришну.

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» шестнадцатая глава.

Глава 17

Вайшампаяна сказал:

После того, как все спящее воинство было убито теми тремя колесничными воинами, царь Юдхиштхира в отчаянии так обратился к (Кришне) Дашархе: «Как смог ничтожный грешник Драуни, неутомимый в своих деяниях, погубить всех моих сыновей, великоколесничных воинов?! И отважные сыновья Друпиды, в совершенстве владеющие оружием, равные сотысячному воинству, тоже пали от руки сына Дроны! Как смог он погубить Дхриштадьумну, лучшего из колесничных воинов, с которым отказался сойтись в бою лицом к лицу великий лучник Дрона? Какое же подобающее случаю деяние совершено тем сыном наставника, о муж-бык, что ему удалось в одиночку перебить весь наш лагерь?»

Васудева сказал:

Драуни обратился за покровительством к непреходящему Ишваре, Владыке богов над богами, и потому он один уничтожил многих! Махадева, Житель гор, был убогаторен и мог бы даровать ему даже бессмертие, дать и такую мощь, благодаря которой он сокрушил бы самого Индру. Воистину, знаю я Махадеву, о бык-бхарата, и разные прежние его деяния! Он — начало, середина (жизни) и конец сущего, о бхарата, это его деятельностью движим весь этот мир. Некогда Прародитель могучий, вознамерившись сотворить сущее, первым увидел его и повелел: «Немедля твори живое!» Медновласый великий подвижник, прозревший скверны, (грозящие) живущим, ответил: «Да будет так!» — и на длительный срок предался подвижничеству, погрузившись в воду. Очень долгое время ждал его Прародитель и наконец силою духа сотворил другого создателя всего сущего. Тот, увидев Жителя гор погруженным в воду, сказал Праотцу: «Если не существует другого, который явился на свет прежде меня, тогда я сотворю живые существа». Ответил ему Праотец: «Нет иного мужа, который был бы рожден прежде тебя. Стхану погрузился в воду, ты же бестрепетно приступай к творению». И тот принялся творить сущее: вначале — семь праджапати во главе с Дакшей, а через них создал весь сонм живущих четырех видов.

Все эти твари, о царь, едва он их создал, стремглав налетели, голодные, на того, кто породил сущее, намереваясь его пожрать. Чтобы спастись от них, готовых уже поглотить, бросился он к Прародителю: «Да спасет меня Владыка от них! Пусть будет установлено, на что им существовать!» Тогда (Брахма) определил им в пищу растения, а для сильных — малосильные существа, движущиеся и неподвижные. Те твари, которым теперь было положено пропитание, довольные, разошлись по своим местам. Благоденствуя, стали они тогда, о царь, умножать свое потомство. Когда возросло число живых существ и (Брахма) Наставник миров был убогаторен, поднялся из вод тот, кто был старше других, и увидел этих тварей. Увидев же многообразные существа, расплодившиеся благодаря собственному пылу, пришел в ярость Владыка Рудра, удержал лингам, и, скованный, тот устремился в землю. И тут сказал ему Брахма непреходящий, словно желая утихомирить его своими словами: «Что же ты делал, пребывая в воде столь долгое время, о Шарва? Почему, возведши лингам, ты устремил его в землю?» Исполненный гнева, ответил тогда Наставнику Наставник миров (Шива): «Эти создания уже сотворены тем, другим, что же мне оставалось с ним делать?! Но подвижничеством моим добыто пропитание для живущих, о Прародитель! Да существует вечно живое за счет растений!» С этими словами великий подвижник Бхава в безумной ярости удалился к подножию горы Мунджават, чтобы предаться подвижничеству.

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» семнадцатая глава.

Глава 18

Васудева сказал:

Когда Деваога была на исходе, боги, возжелав совершить жертвоприношение, должным образом, в согласии с предписанием Вед приступили к отправлению яджни. Без помех обустроили боги, удостоенные жертвенной доли, подобающие для принесения жертвы места, (подготовили) жертвенную утварь, но, воистину не зная о Рудре, эти боги не выделили доли богу Стхану, о владыка людей! И так как богами не была определена его доля жертвоприношения, облаченный в шкуру (Шива), желая (получить) свою долю, стремительно взялся за лук и натянул его. (Существуют) жертвоприношение-лока, жертвоприношение-крия, домашняя яджня извечная, яджня-панчабхута и, пятое, — жертвоприношение человеческое. Возжелав совершить жертвоприношение по способу яджня-лока, Капардин установил свой лук, и лук этот был натянут на оставшиеся в пять кишку. Возглашение Вашат было, о бхарата, тетивой того лука, силою в четыре части яджни. И вот Махадева, исполненный ярости, с луком явился туда, где боги вершили жертвоприношение. При виде того вечного брахмачарина с натянутым луком пришла в смятение богиня Земля и содрогнулись горы, перестал веять ветер, не пылал разожженный огонь и, смешавшись, нарушился в небе круговой путь созвездий; не стало солнца, лунный диск лишился своей красоты, и весь небосвод был плотно затянут тьмой.

Боги, подавленные, не понимали, что происходит: жертва не источала сияние, а Веды отвратились от них. И вот стрелой Раудра он поразил самое сердце яджни, а жертва, обернувшись оленем, бросилась прочь, сопровождаемая Огнем. В виде таком достигнув небес, она воссияла там, о Юдхиштхира, преследуемая Рудрой и на небесах. Когда исчезла жертва, сознание богов не прояснилось; ничего не понять было богам, разум которых померк. Концом лука разъяренный Трекий раздробил Савитару обе руки, Бхаге — оба глаза, Пушану — зубы. Бросились тогда бежать боги со всей жертвенной утварью, иные же застались на месте, походя на тех, которых жизнь вот-вот покинет. Обравив всех богов в бегство, Синешений (Шива) смеясь наставил на них конец своего лука, преграждая им путь. И тут вырвавшимся у бессмертных криком сорвало тетиву его лука, и лук с сорванной тетивой тотчас, о царь, распрямился. Тогда боги вместе с яджней приблизились к лучшему из богов, лишившемуся своего лука, (и обратились к нему) за защитой, и тот, могучий, явил им милость. Затем умиловленный Владыка низверг свою ярость в скопление вод, и с тех пор он, могучий, обратившись огнем, постоянно осушает воды. И он вернул оба глаза Бхаге, обе руки Савитару, зубы Пушану, а также яджню (богам), о Пандава! Тогда вся вселенная вновь пришла в равновесие, и во всех жертвенных возлияниях боги определили долю его. Так вот, когда он разгневался, вся вселенная вышла из равновесия, о могучий, а когда смиловился, то снова она пришла в равновесие. (Драуни) ублажил того могущественного (бога), и вот убиты все сыновья твои, великоколесничные воины, и многие другие герои и панчалы со своими соратниками. Не должно и размышлять об этом, ибо не Драуни то содейл — такова милость Махадевы. Исполни немедленно, что надлежит!

Такова в книге «Об избииении спящих воинов» великой «Махабхараты» восемнадцатая глава.

КОНЕЦ КНИГИ